

*Посвящается 300-летию
Библиотеки Российской академии наук
К 90-летию автора*

Rozova

Н. М. РОЗОВА

**МОИ ВОСПОМИНАНИЯ
О ВОЙНЕ**

Санкт-Петербург
2013

Р ??? Розова Наталия Михайловна

Мои воспоминания о войне / Н. М. Розова ; Б-ка Рос. акад. наук. Справ.-библиогр. отд. ; статья, составление, коммент. Н. В. Бекжановой, Н. А. Волковой, Н. А. Сидоренко. — СПб.: БАН, 2013. — 00 с.: ил.

Вниманию читателей предлагается книга воспоминаний участника Великой Отечественной войны, старейшего сотрудника Библиотеки Российской академии наук Наталии Михайловны Розовой, долгие годы проработавшей главным библиографом Справочно-библиографического отдела. Уже в первые месяцы Великой Отечественной войны студенткой-первокурсницей встала она в ряды защитников Родины. Окончив краткосрочные курсы медсестер при Военно-медицинской академии в Ленинграде, она начала работать в одном из госпиталей блокадного города. Испытав все тяготы блокады, в 1943 г. вместе с госпиталем была направлена на Центральный фронт. Курская битва, танковое сражение под Прохоровкой, сражение за Варшаву — все это прошло перед внимательным взглядом Н.М. Розовой. Неповторимый авторский стиль воспоминаний передает пронзительную искренность, теплоту к людям, встретившимся ей на этом долгом и тяжелом пути.

Книга содержит также материалы, посвященные Н. М. Розовой.

Отпечатано в ОПП Библиотеки РАН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)
Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 00. Тираж 100. Заказ № 00.

Уважаемый читатель,

Перед Вами книга воспоминаний о Великой Отечественной войне старейшего сотрудника БАН — Наталии Михайловны Розовой.

И обычна, и в то же время уникальна судьба ленинградской студентки-первокурсницы, в которую неожиданно ворвалась война. В те дни жизнь всей страны и каждого человека радикально менялась и перестраивалась на военный лад. Студенческая молодежь всеми силами стремилась примкнуть к рядам защитников Отечества. Юноши уходили добровольцами на фронт, в народное ополчение. Девушки поступали на срочные курсы медсестер. Такое же решение приняла и Наталия Михайловна Розова. Всю войну она прослужила медицинской сестрой хирургического госпитального отделения, закончила войну старшиной медицинской службы, имела награды.

В своей книге Наталия Михайловна рассказывает о буднях военного госпиталя, наполненных тяжкими страданиями наших бойцов, самоотверженной работой военных врачей и медицинского персонала. Госпиталь, где она служила, работал в блокадном Ленинграде, обслуживал раненых Центрального, 1-го и 2-го Белорусских фронтов.

В книге нет пафоса, есть невымышленный рассказ о напряженном пульсе военно-лечебного учреждения, которое принимало раненых прямо с поля боя. Внимательный и любопытный взгляд медсестры Розовой отмечал и другие детали жизни. Книга изобилует интересными подробностями, тонкими наблюдениями за людьми, природой, местами, где довелось разворачивать госпиталь.

После войны, закончив Ленинградский университет, Наталия Михайловна Розова пришла на работу в БАН и осталась здесь на всю жизнь.

Без сомнения, фронтовая закалка, опыт человеческих отношений в труднейших обстоятельствах оказали большое влияние на характер и весь дальнейший образ жизни Наталии Михайловны Розовой, ставшей для БАН ценнейшим сотрудником, библиографом высочайшего класса.

Директор Библиотеки Российской академии наук
д-р пед. наук, проф. В. П. Леонов

НАТАЛИЯ МИХАЙЛОВНА РОЗОВА — ГЛАВНЫЙ БИБЛИОГРАФ БАН

Наталья Михайловна Розова для Библиотеки Российской академии наук (БАН) личность поистине легендарная. Она проработала в БАН более полувека (54 года) — одну шестую часть от возраста самой Библиотеки. Поэтому, с одной стороны, весьма значителен по времени период ее работы. С другой стороны, пребывание Наталии Михайловны в стенах БАН характеризуется невероятно плодотворным и результативным исполнением ею служебного долга. Своим доскональным владением тайнами библиографической эвристики, редким библиографическим чутьем она приносила совершенно реальную повседневную помощь читателям, и, в конечном итоге, отечественной науке.

Испытания, выпавшие на ее долю в период Великой Отечественной войны, сформировали характер Наталии Михайловны и оказали влияние на всю дальнейшую ее жизнь. В первые дни войны она в возрасте 18 лет приняла мужественное решение отдать все силы борьбе с фашизмом. Став сестрой милосердия, она прошла дорогами войны долгие четыре года — видела окровавленные растерзанные тела, бесконечные мученья раненых и умирающих, страшные ожоги, операции, ампутации. Она была вместе с ранеными бойцами: выполняла врачебные назначения, делала перевязки, мыла и переодевала их, ухаживала и убирала за ними, успокаивала, ободряла, жалела их, горевала с ними, провожала их в последний путь.

В натуре Наталии Михайловны навсегда осталось главное от той поры — острое осознание своей личной ответственности, какая-то несегодняшняя стойкость, деловое рвение (даже самопожертвование), необыкновенная профессиональная зоркость, использование всех имеющихся возможностей для доведения начатого до завершения.

В 2013 г. Наталья Михайловна Розова отмечает большой юбилей — ей исполняется 90 лет. Мы, ее ближайшие коллеги, сердечно поздравляем нашего дорогого УЧИТЕЛЯ с этой знаменательной

датой. Желаем Наталии Михайловне как можно дольше сохранять душевные и физические силы, столь присущие ей интерес к жизни, жажду познания, остроту восприятия, свежесть оценок, оптимизм и юмор.

* * *

Наталья Михайловна Розова родилась 26 апреля 1923 г. в Ростове-на Дону в семье служащих. В 1926 г. ее родители Михаил Никитич и Анна Федоровна Розовы обосновались в Ленинграде. В 1933 г. у них родилась вторая дочь Татьяна. С 1937 г., в связи с арестом родителей, заботы о детях взяла на себя сестра матери — тетя Маша.

В 1940 г. Наталья Михайловна закончила среднюю школу с медалью и поступила на Гидротехнический факультет Ленинградского политехнического института. Война грянула, когда Наталья Михайловна проходила учебную практику после первого курса.

Закончив краткосрочные курсы медсестер, 5 октября 1941 г. она была мобилизована в ряды Советской Армии и всю войну проработала палатной медсестрой госпитального хирургического отделения. В самый страшный период блокады, до марта 1943 г., госпиталь СЭГ-282, в котором она трудилась, располагался в Ленинграде и принимал раненых Ленинградского фронта. Затем, с началом наступательных действий Советской Армии, госпиталь был передислоцирован на Центральный фронт, позднее входил в состав 1-го Белорусского фронта, на последнем этапе войны обслуживал раненых бойцов 2-го Белорусского фронта. Следуя за передовыми частями фронтов, СЭГ-282 участвовал в медицинском обеспечении ряда крупных военных операций: Курской дуги, в т. ч. танкового сражения под Прохоровкой, освобождения Варшавы. День Победы 9 мая 1945 г. Наталья Михайловна встретила в г. Легнице в Восточной Пруссии, демобилизовалась в декабре 1945 г. Она закончила войну в звании старшины медицинской службы, была награждена медалями: «За оборону Ленинграда», «За победу над фашистской Германией», «За взятие Берлина», «За Освобождение Варшавы», «За боевые заслуги» (см. Рис. 4–5).

В январе 1946 г. Наталья Михайловна возвратилась в Ленинград и воссоединилась с семьей — сестрой и тетей. Работала сначала техником в Бюро инвентаризации при РЖУ Василеостровского района, затем страховым агентом Инспекции Госстраха Октябрьского района. В 1954 г. она закончила заочное отделение Исторического факультета Ленинградского государственного университета по специальности «История СССР».

1-го апреля 1955 г. Наталия Михайловна Розова в последний раз сменила место работы, поступив в Библиотеку Академии наук СССР. Здесь она прослужила 54 с половиной года.

Сначала Наталия Михайловна была зачислена в БАН временно, на работу по инвентаризации отечественного фонда старейшей библиотеки в сети БАН — библиотеки Ботанического института. Со 2 июля 1955 г. она была принята в штат в Отдел обслуживания (в Главный читальный зал) на должность библиотекаря.

Здесь начались ее библиотечные, а, позднее, и библиографические штудии, успеху которых, в значительной степени, способствовали собственный живой интерес и активное самообразование, а также общение со старшими коллегами.

Работая в Главном читальном зале, Наталия Михайловна самостоятельно знакомилась с изданиями, хранившимися на открытой полке и в подсобном фонде. Это были: коллекция изданий Академии наук, Полное собрание законов Российской империи, русская периодика. Представление о богатстве книжно-журнальных фондов Библиотеки, давал непрерывный поток литературы, приходящей из фонда по заявкам читателей.

Наталии Михайловне посчастливилось встретиться с замечательными библиографами-педагогами, добрую память о которых она сохранила навсегда. Мария Васильевна Цветкова — знаток справочно-библиографического фонда и изданий Академии наук — много времени уделяла молодым сотрудникам. Библиограф с гуманитарным уклоном Любовь Григорьевна Гринберг оставила о себе благодарную память в СБО БАН, составив картотеку-описание коллекции библиографических материалов А.И. Лященко, которой библиографы пользуются до сих пор. Софья Григорьевна Финкельсон — специалист, прекрасно знакомый со справочно-библиографической литературой по технике, нормативным материалам и патентам — также охотно делилась опытом и с молодыми сотрудниками, и с читателями. С именем Любои Моисеевны Гаркави связано начало организации тематических выставок в БАН. Фрума Самойловна Портнова — знаток библиографического описания и каталогизации — стояла у истоков организации в СБО БАН предметного каталога, была активным поборником и методистом еженедельных обзоров выставки новых поступлений, которые тогда только внедрялись. Все они и многие другие сотрудники Отдела обслуживания (а затем и других отделов) щедро учили, объясняли, раскрывали перед молодым заинтересованным товарищем секреты библиотечно-библиографической деятельности. Расширили про-

фессиональные познания и законченные в 1957 г. годовые Библиотечные курсы БАН.

Становлению Наталии Михайловны, как библиографа-поисковика, сопутствовала создавшаяся в БАН, серьезная и неразрешенная на тот момент производственная ситуация — большое количество неправомерных отказов читателю. Причины невыполненных заявок были различными, но нередко они были связаны с проблемами самой БАН (дробностью каталогов, слабой отраженностью в центральных каталогах изданий из специализированных фондов). Отказы возникали и по вине сотрудников: прием некачественно заполненного бланка, ошибки отметчиков ГАК или хранителей. С отказами, конечно, пытались бороться своими силами сотрудники залов и абонементов, привлекались к этой работе и библиографы из справочно-библиографического сектора Отдела обслуживания, но в ней не было системы, регламента и четкости.

В 1955–1957 гг. в Отделе обслуживания неоднократно поднимался вопрос о выделении специальной «группы отказов», прежде всего для сокращения сроков отработки неудовлетворенных читательских требования. В 1958 г. такая группа была организована, в нее вошли несколько (на первом этапе 5) сотрудников из разных подразделений, в т. ч. и Н.М. Розова. Руководителем группы была назначена Елена Борисовна Рысс. Забегая вперед, скажем, что до 1963 г. группа отказов имела самостоятельный статус в Отделе обслуживания и числилась при Главном читальном зале. В 1964 г. группа отказов вошла в состав справочно-библиографического сектора Отдела обслуживания, а через год этот сектор преобразовался в самостоятельное подразделение БАН — Справочно-библиографический отдел.

На сотрудниках группы лежала обязанность после сплошного просмотра всех отказов (в т. ч. и требований, невыполненных по вине сотрудников БАН) и отбора их в работу по установленным правилам пытаться отыскать в Библиотеке требуемые издания любыми доступными способами.

Необходимо пояснить, что на начальном этапе работа по устранению неправомерных отказов шла по пути поиска реальной книги в Библиотеке, т. е. ставка делалась, в первую очередь, на библиотечную проверку. В этой деятельности вырабатывались определенные стратегии. Например, новая книга разыскивалась в отделах отечественного (в расчете на обязательное поступление в БАН) и иностранного (по картотекам заказов) комплектования, на Выставке новых поступлений, в хранении (по описи поступлений), в систематическом каталоге. И это давало свои плоды. Члены группы понимали

также, что при условии упорядочения внутри БАН всех технологических процессов пути книги и пути читательского требования, ведущее место в выверке отказов займет библиографическая доработка. Поэтому параллельно шло активное освоение сотрудниками группы репертуара имеющихся справочно-библиографических пособий, приобретался необходимый опыт уточняющей библиографической работы.

За несколько лет практики Наталия Михайловна не только хорошо узнала справочно-поисковый аппарат БАН и познакомилась с фондами различных ее отделов, но сумела глубоко проникнуть в суть поисковой библиографической работы, почувствовать к ней вкус. Библиографическая эвристика, уточняющий поиск буквально захватили Наталию Михайловну, «подхлестывали» также живейший интерес к работе, огромное желание помочь читателю, постоянство, страстность и азарт натуры.

Острая память, широкий кругозор, владение языками¹, пристальное внимание к самому источнику позволяли ей уже на уровне просмотра отказов отсортировать и систематизировать их, отмечать в них типовые ошибки, «отбрасывать» нереальные (непрофильные) требования, «отлавливать» суперсложные, но перспективные заявки. Эти, последние, она особенно любила «разматывать» сама. Именно они заставляли еще глубже погружаться в мир книги, «вытягивать» недостающую в библиографическом описании информацию, обнаруживать неполноту каталожного описания.

В своей статье 1963 г. об организации работы с отказами² Наталия Михайловна уже зрело и обоснованно говорит о сложностях и особенностях поисковой работы, проблемах неполного библиографического учета, важности создания сводных библиографических указателей (общесоюзных и региональных) и печатных каталогов библиотек. В этой публикации она приводит красноречивые цифры, свидетельствующие о явно усиливающихся позициях библиографической доработки читательских требований по сравнению с проверкой библиотечной. В результате именно библиографической провер-

¹ Например, в отчете по научно-методической работе Отдела обслуживания за 1959 г. нам попался такой примечательный факт: «Тов. Розова подготовила перевод главы книги Кунца “Библиотековедение” и сделала доклад на общебиблиотечной конференции, посвященный этой работе». По всей вероятности, имеется в виду книга: Kunze H. Bibliotheksverwaltung. Leipzig: Harrassowitz, 1956. XIV, 342 с.

² *Розова Н.М.* Организация работы с отказами на требования читателей в Библиотеке Академии наук СССР // Библиотечно-библиографическая информация библиотек АН СССР и академий наук союзных республик. М., 1963. № 47. С. 133–139.

ки более 50% уточненных читательских заявок выполнялись в стенах БАН (т. е. нужная книга доставлялась читателю). Из этой же статьи становится понятно, что была налажена ритмичность работы группы отказов, установлены сроки отработки требований.

В 1960–1970-е гг. неустанный библиографический труд, постоянное саморазвитие постепенно выковали из нее библиографа, мастерски владеющего ремеслом, вставшего во главе группы отказов сектора справочно-библиографического обслуживания Справочно-библиографического отдела. Уже тогда вырабатывались сущностные и формальные критерии работы с отказами. Уже тогда из отдельных читательских требований для нее складывалась общая картина востребованного знания. Уточняя конкретные читательские заявки, она была в состоянии проанализировать поток в целом и уловить намекающиеся изменения в научных исследованиях.

Повседневная жизнь Наталии Михайловны складывалась из нескончаемой (и каждый день новой) работы с требованиями: просмотра всех отказов, отбора на доработку, ведения статистики (по количеству, абонементам, отраслям знания, результатам проверки), распределения работы между сотрудниками, приема уточненных требований, возврата их на диспетчерскую. Распределяя требования она часто называла библиографический источник, к которому следовало обратиться, или планировала пути поиска, особенно, для молодых библиографов. Наиболее сложные и запутанные требования она оставляла для себя. Принимая отработанные заявки, Наталия Михайловна внимательно слушала объяснения коллег, требовала не просто точного, но изящного применения фонда СБО БАН, особенно отраслевых библиографических пособий; при отрицательном результате предлагала другие возможности для поиска.

Много сил и времени она уделяла молодым сотрудникам: вводила их в ближний и более широкий круг источников, причем, общий обзор фонда СБО БАН стремилась выдерживать в системно-методическом ключе. На примере конкретных требований показывала и доказывала правомерность использования тематико-отраслевых указателей. Для нее самой не было языковых барьеров, и молодежь она учила не бояться преодолевать их. Через ее «руки» прошли десятки библиографов, работавших в секторе справочно-библиографического обслуживания отдела. Наталия Михайловна не один раз «протаскивала» новичка по всей Библиотеке, показывала и характеризовала разные части справочно-поискового аппарата БАН, подчеркивала важность завершающей фазы поиска — подтверждения правильности сделанного уточнения «на месте», «на шифре». Она

была неутомима в своем желании научить, особенно, если видела, что бросаемые ею зерна попадают на благодатную почву.

Значение методической стороны дела Наталия Михайловна прекрасно осознавала. В первую очередь, это касалось обучения коллег-библиографов. Состав группы менялся, приходили новые сотрудники, которым нужно было в систематизированном виде преподнести уроки библиографической эвристики. Так, много времени и сил было ею уделено написанию «Инструкции по библиографической проверке и доработке отказов в Справочно-библиографическом отделе Библиотеки АН СССР» (1976), в которой была предложена примерная типология библиографических источников³.

С другой стороны, подразделения Библиотеки также нуждались в четком обосновании и закреплении технологических циклов на всем пути читательского требования. Работа на этом направлении, также при участии Н.М. Розовой, воплотилась в межотдельской инструкции, регламентирующей процессы приема, прохождения и выполнения требований в БАН⁴. Зафиксированные в документе урегулирование и методическое обеспечение пути читательского требования на много лет вперед создали условия для слаженной работы всех участников этого сквозного библиотечного процесса.

Необходима была и более широко адресованная организационно-методическая деятельность, в частности, направленная на сокращение количества неверно заполненных требований городского и иногороднего абонентов. Н.М. Розова регулярно проводила экскурсии, семинары, консультации с сотрудниками библиотек-абонентов МБА БАН. Совместно с Отделом обслуживания готовила для них инструктивно-методические письма. В 1973 г. она провела семинар для работников МБА академических библиотек союзных республик на тему «Библиографическая доработка бланк-заказа: основные предпосылки интенсификации работы МБА». В Отчетах Справочно-библиографического отдела за разные годы появляются также сведения об участии Наталии Михайловны в других видах научно-методической работы: библиографических семинарах для преподавателей вузов, для читателей БАН, обзорах разделов фонда для сотрудников СБО БАН.

³ Бахарева Г.В., Розова Н.М. Типология библиографических пособий, используемых при доработке читательских требований в Библиотеке Академии наук СССР // Информационно-библиографическая работа и ее совершенствование: сб. науч. работ / Б-ка АН СССР. Л., 1979. С. 61–71.

⁴ Путь требований читателей и абонентов в Библиотеке Академии наук СССР: инструкция / Б-ка АН СССР. Л., 1973. 55 с.

За годы работы Наталия Михайловна приобрела особый статус ГРАЖДАНИНА всея планеты БАН. Немного найдется сотрудников в БАН, которые были бы также хорошо осведомлены о СПА и фондах подразделений центральной БАН, отделов и секторов ее при научно-исследовательских учреждениях СПб НЦ РАН, которые были бы также близко знакомы с работающими там сотрудниками. В ее памяти хранилась и в нужный момент «добывалась» информация о возможностях именно этих фондов для конкретных библиографических разысканий. В своих размышлениях об использовании ретроспективной библиографии и о специфике работы библиографа-универсала она отдает должное «библиографам-отраслевикам отделений БАН при институтах»⁵. Не раз можно было видеть, с каким уважением с нею общались заведующие библиотеками сети, как ценили ее советы в трудных случаях библиографических разысканий, с какой готовностью, в свою очередь, давали ей консультации или приносили только у них имеющиеся журналы и книги. Среди филиалов БАН у Наталии Михайловны были и любимые — ЗИН, БИН, ИИМК, ИФП, ГАО, ИРЛИ, МАЭ, СПбФивРАН, СПбФИИЕТ.

Наталия Михайловна была очень близка с теми своими коллегами, с кем постоянно соприкасалась по долгу службы. Деловые и дружеские отношения (с обратной отдачей) сложились у нее с сотрудниками Генерального алфавитного каталога, диспетчерской, Главного читального зала, индивидуального абонента, МБА (городского, иногороднего), МНА, хранения. С ними она советовалась, делилась своими сомнениями, объясняла им трудные, спорные случаи уточнений, убеждала их запросить у читателя (или абонента) источник сведений или автора и название статьи, если чувствовала, что возможности поиска не исчерпаны.

14–15 февраля 1988 г. — черная дата в истории БАН, которая оставила неизгладимый след в душах всех, работавших в то время. Наталия Михайловна упоминает это событие в своих военных мемуарах, опубликованных в этой книге: «... пришлось пережить ужас февральского пожара 1988 года в Библиотеке. Восприняла его как большую трагедию. И старалась быть наравне со всеми, кто прилагал последние силы, “погасить” урон, спасти то, что еще можно было спасти».

Пожар многие тысячи книг уничтожил дотла. Некоторое количество пострадало значительно и представляло собой после тушения

⁵ Розова Н.М. Опыт использования ретроспективных библиографических указателей в справочно-информационной работе // Вопросы библиографии: сб. ст. и материалов / Б-ка АН СССР. Л., 1976. С. 134.

пожара ужасное месиво из влажных безымянных изуродованных бумажных останков. После сушки и разбора обгоревшей книжной массы хранители расставили по полкам то, что осталось, и за что еще можно было бороться. Это были небольшие фрагменты книг — несколько страниц текста (разных эпох, о разных науках, на разных языках), а также бестекстовые остатки (карты, планы, иллюстрации, таблицы и др.). Те и другие не содержали опознавательных признаков (ни титульного листа, ни следов библиотечной обработки). Надо было вернуть этим фрагментам имя (автора, заглавие, выходные данные, шифр, инвентарный номер), попытаться воссоединить этот кусочек с, возможно, также где-то стоящей и ожидающей опознания другой частью этой же книги.

В такой момент и было востребовано библиографическое мастерство Наталии Михайловны Розовой и верного ее друга Людмилы Михайловны Герасимовой.

Атрибуция изданий, пострадавших в результате пожара, была совершенно новой специфической практикой, для реализации которой необходимо было другое преломление знакомых приемов библиографических разысканий, а иногда и совсем новые методы поиска. Важнейшим в этой работе было тщательное и всестороннее изучение фрагмента, подчас исчерпывающий сбор содержательных и книговедческих признаков. К таким признакам могли относиться: предметная канва повествования; упоминаемые персоналии (авторы, ученые, оппоненты, предшественники, деятели разных поприщ), библиографические ссылки, аббревиатуры; факты и события, учреждения, географические названия, объекты, архитектурные памятники; бумага, печать, шрифт, пометы, язык, орфография, формат, количественная характеристика книги и др. Дополнительные сведения об эпохе, отрасли знания, персоналиях библиографы черпали из близких тематически справочных, обзорно-аналитических, исторических сочинений, из монографий по истории науки и ее учреждений. Обнаруженные во фрагменте признаки опробовались, в первую очередь, в Генеральном алфавитном и систематическом каталогах. При атрибуции пострадавших изданий XVII — начала XX в. из фонда К.М. Бэра значение имела и правильно определенная принадлежность книги к разделу форматно-систематической расстановки этой коллекции.

Понятно, что далеко не всегда в сохранившемся фрагменте было достаточно признаков, которые могли послужить толчком к библиографической реконструкции документа. Эта работа требовала иногда длительных размышлений, мысленного оценивания неисполь-

зованных пока источников, проигрывания в уме возможных ходов. Во времена атрибуционной работы на столе у Наталии Михайловны можно было часто видеть завернутые в бумагу и обвязанные веревкой фрагменты, которые она приносила из иностранного фонда, с величайшей осторожностью раскрывала и исследовала. После этого на ее столе и на полу вокруг оставались осыпавшиеся крошки обгоревших книжных страниц.

Эта работа в чем-то была очень похожа на ее госпитальную практику времен войны: тот же тяжкий ущерб, нанесенный безжалостной стихией, та же беспомощность «пострадавших», тот же самоотверженный труд по их возможному излечению и сохранению — сохранению с именем.

За 4 года работы методами библиографической реконструкции целого по его части были восстановлены и возвращены на стеллажи около 3 тысяч пострадавших книг. Этому уникальному библиотечно-библиографическому опыту Наталия Михайловна и Людмила Михайловна посвятили несколько своих публикаций⁶. Первый их доклад на эту тему прозвучал в феврале 1992 г. на конференции, посвященной 200-летию со дня рождения академика К.М. Бэра⁷.

Говоря о Наталии Михайловне Розовой, невозможно не сказать несколько слов о ее друге и соратнике Людмиле Михайловне Герасимовой (1937–2010), также много лет проработавшей в СБО БАН, к сожалению, уже ушедшей из жизни (см. Рис. 9–11, 17).

Людмила Михайловна пришла в СБО БАН в 1974 г. из Отдела научной обработки литературы, где она проработала семь лет. По заведенному в отделе порядку, новый сотрудник обязательно некоторое время (иногда и весьма продолжительное) занимал место ответственного хранителя фонда, попросту, расстановщика. Людмила Михайловна трудилась на этом участке два года, перешла в сектор справочно-библиографического обслуживания, стала ученицей и коллегой Наталии Михайловны. Как показало время, любимой ученицей и очень близким человеком. Они сошлись в главном: в высшей степени ответственном отношении к делу, постоянном стремлении к самосовершенствованию, неумном азарте. Оказались близки друг другу по-человечески.

Они стали неразлучны, были рядом и на работе, и во время досуга. Они вместе совершали длительные прогулки по городу и его жи-

⁶ См. в этом издании «Список опубликованных трудов Н.М. Розовой», № 9, 10.

⁷ *Розова Н.М., Герасимова Л.М.* Атрибуция изданий «фонда Бэра», пострадавших при пожаре 14–15 февраля 1988 г. (из опыта работы) // «Фонд Бэра» в Библиотеке Академии наук / Б-ка Рос. акад. наук; отв. ред. В.П. Леонов. СПб., 1992. С. 13–18.

вописным окрестностям, вместе ездили в отпуск в пансионаты или дома отдыха. Постоянно посещали концерты, драматические и балетные спектакли. Людмила Михайловна была страстной поклонницей музыкального и балетного искусства.

Они были людьми одной крови и одной веры, их отношения никогда не омрачались размолвками, хотя, когда в их спорах рождалась истина, слышно было издали. Они обе были неустойчивыми в работе, в переживаниях, в совместном рождении профессиональных текстов.

Отношения Наталии Михайловны и Людмилы Михайловны отличало глубокое взаимное уважение и даже восхищение, каждая из них гордилась этой дружбой. В своих воспоминаниях о людях Библиотеки Наталия Михайловна так написала о своем друге: «Масштаб личности Людмилы Михайловны был велик и незауряден. Прежде всего тем, что она сотворила себя сама, без посторонних наставлений и помощи, вопреки нелегким обстоятельствам, в которых ей пришлось существовать всю свою жизнь, переносить в одиночку тяжкие удары судьбы».

Важным этапом в жизни Наталии Михайловны и Людмилы Михайловны был период работы над книгой⁸, в которой они изложили свои взгляды на библиографическую эвристику, в систематизированной форме предложили свои подходы, принципы и стратегии уточняющего библиографического поиска. Основой создания книги стал богатейший опыт практической деятельности.

Книга писалась нелегко: структура, названия глав, выбор доказательных примеров рождались в жаркой полемике. Чтобы не мешать коллегам в рабочей комнате, авторский дуэт перемещался в хранилище. Здесь на столах лежали ворохи листов, исписанных, главным образом, рукой Наталии Михайловны⁹, с множеством дополнительных заметок и поправок (*addenda* и *corrigena*), здесь же стояла специально созданная картотека примеров библиографических разысканий. Сюда они возвращались всякий раз, когда удавалось выкроить время.

На завершающем этапе Наталия Михайловна и Людмила Михайловна пригласили для консультаций Ирину Васильевну Гудовщикову, которая была для них великим авторитетом и редким специалистом-

⁸ Розова Н.М., Герасимова Л.М. Традиционный библиографический поиск в Библиотеке Российской академии наук: метод. пособие / Б-ка Рос. акад. наук. СПб.: БАН, 1997. 113 с.

⁹ Почерк Л.М. Герасимовой был не очень разборчивый, зато Н.М. Розова всегда говорила: «У меня почерк некрасивый, но понятный».

теоретиком, не порвавшим с библиографической практикой¹⁰. Рукопись была доставлена И.В. Гудовщиковой домой и через какое-то время она появилась в отделе. Спор разгорелся нешуточный: Ирина Васильевна выдвигала аргументы против отдельных формулировок, теоретических посылов. Наши люди как львы защищали свою логику, свои соображения, свою манеру изложения. Оппонент не сдавался, и начинался новый раунд этого профессионального «боя супертяжеловесов». Есть свидетели, которые слышали, как в завершение долгого и непростого для обеих сторон диспута И.В. Гудовщикова сказала: «Ну, знаете, ребята, вам все подвластно!».

В предисловии авторы называют свой труд «наблюдениями об изменчивой природе поиска». Это и так, и не так, потому что эти наблюдения предстают в работе не только в виде россыпи изумительных библиографических находок, но и в достаточно четком систематизированном и типологизированном описании самого процесса уточняющего библиографического поиска. Опираясь на огромный эмпирический материал, авторы формулируют методические подходы к комплексному анализу неудовлетворенного читательского требования, предлагают углубленную поэтапную схему поиска, главными позициями которой являются:

- нулевой цикл (*Preparation*) — смысловое, терминологическое, топо-географическое уточнение;
- поэтапное обследование запроса с целью выявления основного и дополнительных определителей поиска;
- установление ресурсообеспеченности для всех возможных ходов поиска;
- проверка и уточнение запроса (адресный поиск);
- фиксация алгоритма поиска.

Книга имеет четкую структуру, в каждой главе отмечаются важнейшие пункты, болевые точки, «подводные камни» разных этапов поиска. Любое объяснение, логическое размышление, предостережение иллюстрируется примерами оригинальных, запутанных, удивительно интересных и неожиданных разысканий. Демонстрируя свою «доказательную базу», авторы пособия как будто берут коллег за руку и подводят ко многим замечательным источникам из фонда

¹⁰ В течение ряда лет И.В. Гудовщикова, будучи преподавателем Библиотечного факультета ЛГИК, проводила свои занятия по библиографическому поиску именно в СБО БАН. По субботам И.В. Гудовщикова со студентами разбирала пачку требований, специально подготовленную Н.М. Розовой, делала необходимые пояснения и раздавала их ребятам. Прделанная библиографическая доработка анализировалась преподавателем и требования с результатами поиска оставлялись для Н.М. Розовой.

СБО БАН, с помощью которых «загадки» были разрешены. Показывают они также, насколько часто поисковые тропинки библиографа пролегают далеко за пределами своего фонда и отдела.

Книга получилась очень профессиональная. В ней без надобности ничего не усложнялось, но и ничего не упрощалось. Уровнем изложенного практического опыта и уровнем осмысления этого опыта книга оказалась достойна учреждения, в котором она создавалась. Внимательный читатель мог почувствовать, каким огромным багажом общекультурных и специальных знаний, особой интуицией должен обладать библиограф-поисковик крупной научной библиотеки.

Настоящие патриоты СБО БАН, авторы написали в заключении такие слова: «Работа вобрала в себя усилия, коллективный труд, даже вдохновение всех библиографов отдела, от мала до велика, от новичков до “старичков”. Заинтересованность была всеобщей, каждый вложил в копилку примеров свой, выстраданный путем исканий, заблуждений, ошибок. <...> Неповторимая индивидуальность автора высвечивается в каждом рассмотренном примере. Любовь и терпение — краеугольные камни нашей поисковой работы, залог ее успеха»¹¹.

Книга вызвала резонанс в профессиональной среде, было опубликовано несколько рецензий, до настоящего времени ее цитируют авторы, пишущие о библиографических разысканиях и профессии библиографа¹². По итогам 18-го Всероссийского конкурса по библиотечному делу 1997 г., пособие Н.М. Розовой и Л.М. Герасимовой было удостоено почетного диплома¹³.

В последние годы работы Наталия Михайловна была также активна, подвижна, также видела и понимала все «наскрозь». Она безоговорочно «приняла» новые технологии, прекрасно представляла себе эти новые возможности. «На моторе смотрела?» — вопрошала она коллег уже в начале 90-х гг., когда в СБО БАН появился первый компьютер и лазерные диски. Одно время даже пыталась научиться пользоваться компьютером, работать с «мышью», но не получилось, трудно было читать с экрана. В своих мемуарах, которые будут скоро опубликованы, Наталия Михайловна, примиряя прошлое с буду-

¹¹ Розова Н.М., Герасимова Л.М. Традиционный библиографический поиск... С. 110–111.

¹² Например: Методика библиографического поиска / [В.А. Минкина] // Справочник библиографа / науч. ред.: А.Н. Ванеев, В.А. Минкина. СПб., 2002. С. 417–418.

¹³ Прозорова М. Итоги Всероссийского конкурса по библиотечному делу // Библиография. 1998. № 5. С. 143.

щим, мудро заметила: «...“электронные” возможности во много раз превзошли прежние традиционные и в объемах, и в темпах нахождения материалов по запросам — устным и письменным. Конечно, без “книги” не обойтись. “Надо почитать” — как говорили еще наши предшественники и учили этому нас, нынешних стариков. Конечно, эта школа глубоко “засела” в нас. По объективным и субъективным факторам компьютер не стал нашим основным и главным помощником. Им осталась книга — бумажный, а не электронный носитель информации. Возможности последнего почти безграничны».

Как уже было сказано, Наталия Михайловна пользовалась большим авторитетом среди коллег. И этим объясняется привлечение ее к работе различных общепановских комиссий, среди которых первой надо назвать «Комиссию по исключению литературы из фондов БАН» (так называемую, «Макулатурную»), в которой она проработала очень долго. Наталия Михайловна также принимала участие в работе такой специально созданной структуры как Комиссия по списанию малостраничных изданий из русской части основного фонда БАН.

В течение некоторого времени в БАН существовала Комиссия по борьбе с браком в работе, в состав которой входила Наталия Михайловна. Работа в этой комиссии была сложной и напряженной, на заседаниях возникало много обид и споров, т. к. обсуждалась некачественная работа конкретных участков и конкретных людей. В период работы Комиссии была издана «Памятка»¹⁴, целью которой было предупреждение негативных ситуаций, возникающих на пути читательского требования.

По рекомендации дирекции Наталия Михайловна входила также в состав Аттестационных комиссий БАН 1993 и 1995 гг.

На протяжении своего длительного пребывания в БАН Наталия Михайловна активно занималась общественной деятельностью. Она работала и в Месткоме БАН (председатель Культмассовой комиссии в 1960-е гг.), и в группе народного контроля. Долгое время была политинформатором отдела, регулярно посещая инструктажи в Василеостровском райкоме КПСС. В 1974 г. вела в отделе занятия по гражданской обороне.

Всегда с удовольствием и готовностью она откликнулась на предложения поучаствовать в художественной самодеятельности (см. Рис. 16). Многие сотрудники БАН помнят, как блистательно

¹⁴ Памятка «Что считается браком в работе с требованиями читателей и абонентов?» / Б-ка АН СССР. Л., 1973. 9 с.

они с Людмилой Михайловной сыграли двух Екатерин (Н.М. — Екатерину II, Л.М. — Е.Р. Дашкову) в капустнике, посвященном 280-летию БАН.

Во все периоды своей работы она занимала твердую позицию — нет чистых и грязных работ в Библиотеке, любую работу следует делить на всех. Поэтому она отлично была знакома с прополкой и уборкой урожая в колхозе и переборкой картофеля на овощной базе. Санитарный день использовался ею строго по назначению (см. Рис. 18). В уже весьма преклонном возрасте наравне со всеми сотрудниками отдела она участвовала в хозяйственных работах, которые проводились после ремонта коридоров, помещений и книгохранилища. Не соглашалась ни на какие послабления режима работы или физических нагрузок.

Трудовые достижения Наталии Михайловны были отмечены наградами и поощрениями. В 1967 г. она была выдвинута коллективом БАН на награждение значком Министерства культуры СССР «За отличную работу»; в 1974 г. ее портрет был помещен на Доску почета БАН. Она имела ряд благодарностей дирекции БАН за многолетний и безупречный труд, была неоднократно премирована. В 1999 г. в связи с 275-летним юбилеем Российской академии наук была в числе трех сотрудников БАН, представленных к государственной награде — ордену Дружбы¹⁵ (см. Рис. 12). Была также удостоена Почетных грамот Российской академии наук и медали «В память 300-летия Санкт-Петербурга».

У нее была своя индивидуальная манера называния справочно-библиографических источников, часто по фамилиям составителей. Можно было слышать, как вручая требования библиографу, она говорила: «Посмотришь у Глазунова-Бабунова, у Флавиана, у Тиме-Беккера, у Огурцова, у Эстрейхера, у Муратовой, у Арнима, у Скачкова, у Марузо, у Зайончковского, у Ульриха, у Шемиота-Кубасова, у Амбургера, у Шиллера и т. д. и т. п.». Любила употреблять аббревиатуры (GV, NUC, CASSI, DB, CBI, PCY, КЛЭ) или свои собственные названия, например, «красные/желтые шейки», «сводка».

Во все времена Наталия Михайловна сохраняла столь присущие ей юмор и остроту слов. Некоторые ее словечки, так называемые «розовизмы», навсегда вошли в лексикон отдела. Эти ее *fini roman*, резолюция — *отказать*, варьянт, тяжелый случай на транспорте, вредный цех, кто в лавке, командировочного жалко, друг шлифует, штабной (о местном телефоне), пункт оголен и многие другие добав-

ляли особый колорит ее неповторимой натуре. Она всегда ценила остроумные, точные высказывания коллег, удачные шутки, особенно на производственные темы.

Осенью 2009 г. Наталия Михайловна вышла на пенсию. Она чувствует себя неплохо, много читает. Очень скучает по работе, по родному отделу, интересуется всем, что происходит в БАН и отделе, часто звонит, помнит дни рождения всех сотрудников. Она с большой готовностью откликнулась на предложение написать воспоминания. Первая часть мемуаров Наталии Михайловны «Война» опубликована в этой книге. Готовятся к печати и следующие главы ее воспоминаний, посвященные Библиотеке, бановцам, нашему городу.

Для своих коллег Наталия Михайловна Розова была и остается старшим товарищем, учителем, другом. Остается образцом честного служения избранному делу. Эта маленькая незаурядная женщина всегда ставила во главу угла интересы читателя и, с помощью мирного библиографического оружия, делала все, от нее зависящее, чтобы эти интересы защитить.

Н.В. Бекжанова, Н.А. Волкова,
Н.А. Сидоренко

¹⁵ Указ Президента Российской Федерации № 701 от 4 июня 1999 г.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ ТРУДОВ НАТАЛИИ МИХАЙЛОВНЫ РОЗОВОЙ

1. Организация работы с отказами на требования читателей в Библиотеке Академии наук СССР // Библиотечно-библиографическая информация библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик / Б-ка Акад. наук СССР, Сектор сети спец. б-к, Фундам. б-ка обществ. наук Акад. наук СССР. — М., 1963. — № 47. — С. 133–139.

2. Опыт использования ретроспективных библиографических указателей в справочно-информационной работе // Вопросы библиографии: сб. ст. и материалов / Б-ка Акад. наук СССР. — Л., 1976. — С. 130–134.

3. Формирование фонда справочно-библиографической литературы в БАН СССР // Справочные фонды научных библиотек и их использование / Акад. наук СССР. Сиб. отд.-ние. ГПНТБ. — Новосибирск, 1978. — С. 5–17. — В соавт. с А.Д. Александровой, Г.В. Бахаревой, В.П. Ракитиной.

4. Типология библиографических пособий, используемых при доработке читательских требований в Библиотеке Академии наук СССР // Информационно-библиографическая работа и ее совершенствование: сб. науч. работ / Б-ка Акад. наук СССР. — Л., 1979. — С. 61–71. — В соавт. с Г.В. Бахаревой.

5. Атрибуция изданий «фонда Бэра», пострадавших при пожаре 14–15 февраля 1988 г.: (из опыта работы) // «Фонд Бэра» в Библиотеке Академии наук: [докл. конф., февр. 1992 г.] / Б-ка Акад. наук; отв. ред. В.П. Леонов. — СПб., 1992. — С. 13–18. — В соавт. с Л.М. Герасимовой.

6. Библиограф в СБО: раздумья в белую ночь // Библиография. — 1993. — № 6. — С. 3–10. — В соавт. с Л.М. Герасимовой.

7. Традиционный библиографический поиск в Библиотеке Российской академии наук: метод. пособие / [отв. ред.: Н.В. Колпако-

ва, Н.А. Сидоренко]; Б-ка Рос. акад. наук. — СПб.: БАН, 1997. — 113 с. — В соавт. с Л.М. Герасимовой.

Рец.: Иениш Е.В. В жанре библиографического детектива // Библиография. — 1998. — № 4. — С. 147–149; Рослик Г.М. «Всякой книги качество знать» // Науч. и техн. б-ки. — 1998. — № 2. — С. 173–174; Моргенштерн И.Г. Поиск — вещь увлекательная! // Мир библиогр. — 1999. — № 3. — С. 80–82.

8. Некоторые методические вопросы библиотечно-библиографической атрибуционной работы в Библиотеке РАН [Электронный ресурс] // Информационно-библиографический поиск: методы и средства: тез. докл. науч.-практ. конф., 25–26 мая 1998 г. / Б-ка Рос. акад. наук. — Режим доступа: <http://spb.org.ru/ban.25.08.98> (дата обращения: 20.12.1998).

9. Библиографическая реконструкция документа по его части // Библиография. — 2003. — № 5. — С. 3–12. — В соавт. с Л.М. Герасимовой.

10. Теория и практика атрибуции иностранных изданий Бэрвского фонда // Сохранение культурного наследия библиотек, архивов и музеев: материалы науч. конф., С.-Петербург, 14–15 февр. 2003 г. / Рос. акад. наук. Б-ка. — СПб., 2003. — С. 94–97. — В соавт. с Л.М. Герасимовой.

11. Вечное и актуальное в коллекции СБО БАН на фоне истории Академии наук (XVIII век) // Справочно-библиографическое обслуживание: традиции и новации: сб. науч. тр. / Б-ка РАН. — СПб., 2007. — С. 59–66. — В соавт. с Л.М. Герасимовой.

12. Универсальное и отраслевое знание: эволюция в библиогр. отражении // Чтения памяти Константина Илларионовича Шафрановского (1900–1973): сб. тр. Междунар. науч. конф. (С.-Петербург, 25–26 нояб. 2008 г.) / Б-ка РАН. — СПб., 2011. — С. 66–73. — В соавт. с Л.М. Герасимовой.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ

1-е июля 1954 года. Закончен Исторический факультет заочного отделения ЛГУ¹. До этого — 15-я неполная средняя школа-семилетка² и 20-я школа-десятилетка³ Петроградского района.

Десятый класс проходил, в основном, на фоне страшной Северной (Финской) войны⁴. Дикие морозы, полное затемнение, плохо с продуктами, за которыми у магазинов с раннего утра выстаиваются очереди. Но все эти неудобства «на гражданке» и сравнивать нельзя с тяготами, которые выносили наши фронтовики. Противник, в отличие от наших бойцов, был прекрасно обмундирован, вооружен, уверенно и быстро передвигался на лыжах. В какой-то мере его защищали и заранее созданные линии обороны.

Больницы и клиники, превращенные в госпитали, были переполнены не только ранеными, но и обмороженными. Репетицией ближней, более длительной и тяжелой войны, были добровольные дежурства в госпиталях женщин и девушек после работы или в свободные дневные часы. Зимняя война 1939—1940-х годов была краткой, но изнурительной, принесшей очень большие человеческие жертвы.

И все же цель ее была достигнута: государственная граница СССР, проходящая в 20—30 км от Ленинграда на линии Белоострова⁵, была отодвинута отошедшими от Финляндии территориями Карельского перешейка.

Весна принесла желанное окончание войны, окончание средней школы и поступление в институт. Помимо традиционно популярных

¹ Ленинградский ордена Ленина государственный университет им. А.А. Жданова. Ныне Санкт-Петербургский государственный университет.

² Располагалась по адресу: Сытнинская ул., д. 11.

³ Располагалась по адресу: ул. Скороходова, д. 2/4. В настоящее время это школа № 84 Петроградского района (адрес: Большая Монетная, д. 2 / Кронверкская ул., д. 19).

⁴ Советско-финская война — вооруженный конфликт между СССР и Финляндией в период с 30 ноября 1939 г. по 13 марта 1940 г.

⁵ Белоостров — поселок в составе Курортного района С.-Петербурга, до 1940 г. был пограничным пунктом на границе с Финляндией.

театрального и медицинского институтов (существовала даже поговорка: все дороги в мед. ведут, все тупицы в мед. идут), Филологического факультета ЛГУ очень ценились некоторые технические институты и факультеты: ГВФ⁶, «Корабелка»⁷. В ЛПИ — Ленинградском политехническом — призывно звучали названия факультетов «Физмех», «Электромех», «Автоматика и телемеханика», а также некоторые специальности в ЛЭТИ⁸.

Поступала я без экзаменов (медаль), но, по ряду обстоятельств, не могла претендовать ни на один из перечисленных выше институтов и факультетов, овеянных мечтами наивных выпускников. И потому оказалась на далеком от грез Гидротехническом факультете ЛПИ.

Здесь мне очень пригодились навыки, полученные в школе у строжайшего, но любимого всеми Моисея Борисовича Ширмана⁹ (увы, он погиб от голода в блокадном Ленинграде).

Моисей Борисович научил нас хитростям решения задач по химии, недоступным многим товарищам по факультету. Делилась с ними опытом. Повезло с лекторами. Обширный курс высшей математики увлекательно и живо читал мудрейший профессор, остроумец Родион Осиевич Кузьмин¹⁰ (один из авторов известного учебника «Гюнтер-Кузьмин»¹¹). Обширный и сложный, по сравнению со школьным, курс физики хорошо и внятно читал молодой, интересный Владимир Максимович Тучкевич¹². Однажды он огласил записку, поступившую к нему в числе «научных вопросов», с просьбой: «несите всегда голубую бобочку¹³, она Вам очень идет». В грядущем

⁶ Ленинградский институт инженеров гражданского воздушного флота. В 1941 г. на его базе была создана Военно-воздушная инженерная академия им. А.Ф. Можайского.

⁷ Ленинградский ордена Ленина кораблестроительный институт. В настоящее время Санкт-Петербургский государственный морской технический университет.

⁸ Ленинградский электротехнический институт им. В.И. Ульянова (Ленина). В настоящее время Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина).

⁹ Ширман Моисей Борисович (1896—1942) — преподаватель химии. Проживал по адресу: Большая Пушкарская, д. 1/8, кв. 9. Умер в блокадном Ленинграде, похоронен на Смоленском кладбище.

¹⁰ Кузьмин Родион Осиевич (1891—1949) — математик, специалист в области теории чисел, теории функций, исчисления вероятностей. Член-корреспондент АН СССР (1946).

¹¹ Вероятно, имеется в виду: Сборник задач по высшей математике / под ред. Н.М. Гюнтера и Р.О. Кузьмина. 10-е изд. Л.: М.: ГОНТИ, Гл. ред. техн.-теор. лит., 1938. Ч. 1. 272 с.; Ч. 2. 296 с.; Ч. 3. 340 с.

¹² Тучкевич Владимир Максимович (1904—1997) — ученый, специалист в области физики и техники полупроводников, организатор науки. Академик АН СССР (1970). С 1971 по 1979 г. занимал пост Уполномоченного Президиума АН СССР по Ленинграду.

¹³ Бобочка — название популярной в предвоенные и послевоенные годы разновидности мужской рубашки с коротким рукавом, отложным воротником, которую носили без галстука.

я «общалась» с ним, но только виртуально — после войны одно время он возглавлял Ленинградский научный центр АН СССР, а я была скромным библиотекарем-библиографом в одном из вверенных ему подразделений.

Ни построить гидростанцию, ни послужить на оной мне не довелось. Война, Великая Отечественная, неожиданно подступившая к границам Родины летом 1941 года, круто поменяла судьбы многих сограждан любимого города и страны в целом.

Войну я встретила на геодезической практике под Ленинградом. Первокурсники Гидротехнического факультета проходили ее в Тосно. Солнечным утром воскресенья 22 июня 1941 года отправились отсюда на поезде в Шапки, славное дачное местечко. Было очень весело и держать рейку, и смотреть на нее в глазок теодолита (когда ее для тебя держит другой), производя геодезическую съемку. Днем вернулись в Тосно. На перроне полно народа, все сгрудилось у громкоговорителя. Прислушались — характерное заикание Молотова¹⁴. И — сразу — война!

До этого страшного дикого известия жили весело и тесно в какой-то общаге, славной студенческой семьей. Вечерами гурьбой гуляли, пели задушевные песни. Особенно популярной была «Где эти карие очи, кто их ласкает теперь? ...» — песня эта как предтеча военных разлук. И тут сразу все рухнуло, завертелось, закружилось. Сдали раскладушки, ринулись в Ленинград. Зачет по геодезии на факультете, последняя точка в моем гидротехническом образовании, прошел отнюдь не без сучка и задоринки. Принимал его профессор Отто Германович Дитц¹⁵, педантичный немец. Повторно я «встретилась» с ним в далеком библиографическом будущем — в библиографическом указателе по геодезии¹⁶. В выпуске, охватывающем литературу дореволюционную, я вычитала, что Отто Германович был полковником царской армии. Ну и досталось мне от царского полковника! Впопыхах я не взяла справку о возврате раскладушки. Здорово Отто Германович выговаривал мне за это нарушение правопорядка. Не помню, поставил мне зачет этот педант, иль нет, но в Тосно за справкой я не

¹⁴ Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986) — советский партийный и политический деятель. На момент начала войны занимал должность народного комиссара иностранных дел СССР. 22 июня 1941 г. в 12 часов дня выступил по радио с ответственным заявлением о начале войны.

¹⁵ Дитц Отто Германович (1876–1957) — специалист в области геодезии, триангуляции и топографических съемок.

¹⁶ Библиографический указатель геодезической литературы с начала книгопечатания до 1917 г. / сост.: Е.Ф. Беликов, Л.П. Соловьев; под ред. Л.С. Хренова. М.: Недра, 1971. 272 с.

ездила. В те безумные первые дни войны это казалось такой мелочью. Все дни были заполнены до предела: трудовая повинность и по месту жительства, и по месту учения. «Дома» — покраска противопожарным составом стен и деревянных перекрытий чердаков, дежурства на этих же чердаках поближе к крыше, чтобы не пропустить падение зажаток. А еще — наблюдать сверху, не проник ли кто-нибудь подозрительный на территорию вверенного тебе объекта: шпиономания была очень развита.

Рытье окопов — бывшее «любимое» женское занятие. Хорошо еще, что проходило оно вблизи от дома. Обитала я тогда в Галерной гавани¹⁷, где при Петре I начали строить галеры.

Рыли окопы в чистом поле, напротив Гаванского рабочего городка¹⁸. Расстилалось это поле до самого Финского залива. Жара, в небе звенят жаворонки. Работа пыльна, тяжела и безденежна.

Дневные артобстрелы не досаждали еще своей регулярностью, а вот ночные бомбежки зачастили. Жили мы на последнем этаже, но я никогда не спускалась вниз по тревоге. Спала по-мирному, в ночной рубашке, словно предвидя скорое будущее со всеми его гигиеническими свинствами.

За аккуратным исполнением гражданами трудповинностей следила строгая управдомша. Не придешь за очередным нарядом лично, тебя с позором вызовут за ним. Я ходила сама. «Ленправда» в одной из газетных сообщений отметила активность студентки тов. Розовой¹⁹ (см. Рис. 1). Вероятно, какой-то корреспондент, готовя сообщение, расспрашивал об «обстановочке» нашу суровую командиршу дома.

В институте тоже надо было отрабатывать. Чаще всего — до упаду разгружать баржи с топливом на Выборгской набережной.

Наплывали и серьезные, чисто семейные осложнения, вызванные осложнениями военными. Город провел серьезное массовое мероприятие: по месту жительства собирали ребятишек-дошколят и вывозили их с детсадами из города. С ближайшим садиком отправили и мы с тетей свою семилетнюю Танюшу, мою младшую сестру, и наша соседка — своих двоих малышей. Эта эвакуация оказалась недостаточно продуманной и потому для многих детей краткосрочной, а для некоторых — трагической. Пункты назначе-

¹⁷ Галерная гавань — прямоугольный бассейн в западной части Васильевского острова, памятник инженерного искусства первой четверти XVIII в.

¹⁸ Гаванский городок составляли пять домов из красного кирпича с белой отделкой на углу Малого проспекта В.О. и Гаванской улицы (Малый пр., 69, 71, Гаванская ул., 47).

¹⁹ Красовский С. Начальник объекта // Ленингр. правда. 1941. 5 авг. (№ 185 (7978)).

ния часто выбирались вблизи Ленинграда, вокруг которого начало сжиматься блокадное кольцо. Некоторые садики, находящиеся «в пути», прорывались дальше и оказывались в оккупации или заброшенными далеко от дома. В итоге — многие дети к концу войны потерялись, были и случаи их гибели в разбомбленных фашистами эшелонах.

К счастью, наши дети оказались в числе краткосрочно эвакуированных. Ибо, по информации РОНО²⁰, их садик разместился в Любытинском районе Новгородчины.

И вот, мы с соседкой 18–20 августа отправились «на деревню к дедушке». Была поездка из последних по этой ветке Октябрьской железной дороги. На Московском вокзале удалось купить билеты в «ту сторону», которая напрочь будет на 900 блокадных дней отрезана от города уже скоро-скоро — 8 сентября. Ехали, по-моему, только такие же спасатели своих детей. В пути погромыхало сверху, но до станции доехали.

До сих пор не представляю, как мы нашли свой садик. Любытинский район большой. Вероятно, все же какую-то более точную информацию нам сообщили уже в Любытине. Вся поездка — как страшный сон. Помню, переезжали через реку, умолив кого-то переправить нас на лодке, мчались через лес и, наконец, добрались до цели. Как в тумане, в полуобмороке, схватили детишек, их скарб, обратно — через лес, в темноте, уже ночью. И все-таки умолили какого-то дедулю (разбудив нервным стуком в дверь избы) переправить на лодке через реку. Добежали с ребятами до ж/д станции, буквально штурмом взяли поезд и — домой!

Время было спрессовано до предела. Только успела вернуться из тревожной поездки в Любытинский район за вывезенной туда с ленинградскими детишками младшей сестрой, как опять обступили домовые и институтские трудовинности, сопровождаемые типичными военными встречами. Как-то выбегаю из парадной на очередные обязательные работы, и тут мне преграждает дорогу колоритная фигура — матрос с бескозыркой на затылке, с пулеметной лентой наперерез через плечо. Хватает за руку, кидает торопливый вопрос: «Где здесь рыжая Лелька живет? — надо проститься...». Время прощаний. Увы, часто — навсегда.

Это было время страшных сводок с фронтов: наши части отступали. И только позже, часто уже в мирное время, узнавали всю правду и подробности сражений в Брестской крепости, историю Петергоф-

ского десанта²¹, который poleg целиком, но не отступил. Эти смертельные противостояния наших бойцов доказывали их непреклонную веру в неотвратимость победы в тяжелой кровавой войне.

Политехники дружно уходили на фронт — и по призыву, и добровольцами. ЛПИ сформировал целую добровольческую дивизию²². Многие во главе с одним из ее организаторов, заместителем секретаря комсомольской организации, погибли уже в самом начале войны. Студентка Политеха, с которой мы вместе учились на сестринских курсах, а потом и служили, считала этого великолепного парня (увы, забыла его фамилию) своим суженым, безумно переживала его гибель — была совершенно безутешной. Это была первая из трагических безысходных разлук, с которой я вплотную столкнулась. После войны в институтском парке установлен памятник погибшим в Великой Отечественной войне студентам Политеха. По рассказам племянницы, студентки ЛПИ 70-х годов, около него — всегда цветы.

Парни уходили на фронт, девчата — на краткосрочные курсы военных медсестер. С группой институтских подруг поступила и я на такие же курсы при Военно-медицинской академии (ВМА). Базой служила одна из ее хирургических клиник — клиника известного профессора Владимира Николаевича Шамова²³ на Пироговской набережной, где ныне висит мемориальная доска, ему посвященная. Курсы были краткосрочные, но с очень интенсивной программой. Ее предметы нам преподавали профессора профильных академических клиник — хирургии, терапии, военной гигиены и т. п. Анатомией занимались в академическом анатомическом театре. Практика проходила на базе Шамовской клиники. Даже в суровые военные дни, уже в блокаде, эта клиника сохраняла строгий академический дух, который во времена нашей учебной практики поддерживала старшая сестра, супруга В.Н. Шамова.

Под Ленинградом шли смертельные бои. Город остался в 900-дневной блокаде, но непобежденным. Мы, его жители, даже в мыслях не держали возможность сдачи его фашистам. Хотя «на всякий

²¹ Оперативный десант Балтийского флота, высаженный в ходе Стрельнинско-Петергофской наступательной операции 5 октября 1941 г. в районе пристани дворца Монплеизр в Нижнем парке и в Александрии. К 7 октября почти весь десант погиб, выжили единицы.

²² Преподаватели, студенты и сотрудники Ленинградского политехнического института в июле 1941 г. приняли участие в формировании Фрунзенской дивизии народного ополчения. Ими была укомплектована целиком 3-я рота 3-го батальона, также они вошли в состав других подразделений 3-го полка этой дивизии. Комиссаром полка был назначен политехник М.А. Ансеров, начальником полковой разведки политехник К.П. Дворецкий.

²³ Шамов Владимир Николаевич (1882–1962) — хирург, генерал-лейтенант медицинской службы (1943), академик АМН СССР (1945).

²⁰ Районный отдел народного образования.

случай» под руководством «верхов» минировались все ключевые объекты города, его мосты и т. п. Чем напряженнее было на фронте, тем с большим удовлетворением (по началу, по крайней мере) я принимала все ограничения для гражданского населения: изъятие телефонов, радиоприемников, даже снижение продуктовых норм и т. п. Мотив — раз на фронте тяжело, значит и на «гражданке» должно быть тяжело: во мне говорил естественный максимализм молодости.

В клинике нас держали строго, учили делать уколы, перевязки, помогать при гипсовании и процедурах по уходу. Практически все раненые — тяжелые, лежащие. Потихоньку местные сестры указывали на так называемых «самострелов». В те страшные дни молоденькие мальчики, попавшие в кромешный ад первых дней войны, не выдерживали и стрелялись, метя себе в голову, чтобы уйти из жизни навсегда. Позже, еще в разгар войны и потом, когда забрезжила надежда на приближение Победы, появились «отчаянные», которым госпитальный фольклор присвоил кличку «эсэс», т. е. самострел. Эти причиняли себе увечья, совместимые с жизнью, поражая левую ладонь или мягкие ткани предплечья и т. п. Если мальчиков, рискнувших покончить с собой в начале войны, лечили по полной, то «отчаянных» профессионально отслеживали, забирали из госпитальных отделений. Об их дальнейшей судьбе сестрам ничего не сообщали.

Подобное «изъятие» произошло где-то во второй половине [войны] из моей палаты. Очень неприятная процедура. Однажды вечером меня, дежурную, вызвал из палаты соответствующий чин и потребовал, чтобы я рано утром следующего дня подготовила к уходу такого-то — за ним придут. Ночью я закурилась — две срочные операции, беспокойные тяжелые раненые. Короче, строжайшее приказание не было выполнено. «Чин» явился, а парень спит. Ждала худшего. Штрафбат? Трибунал? Но «чин» только так зыркнул на меня глазами, как только эти чины умели, да словесно припечатал, громко и здорово. Правда, я со страху и «со вины своей» очень быстро собралась виновного (или подозреваемого?). Как всегда, никакой информации не получила...

Продолжаю о процессе обучения на курсах. Помимо исполнения простейших медицинских назначений и процедур от нас требовали присутствия и на перевязках, и на операциях для помощи сестрам. Видимо, шла проверка выдержки. Наши наставники наблюдали, как мы реагируем на вид страшных ран, крови, на операционные «откровения». Заодно и приучали к «высказываниям» хирургов в процессе операции. Так, один из способных потомственных хирургов, «в миру» добрейший человек, за работой преобразался, цедил сквозь

зубы очень зло пожилой опытной операционной сестре: «Сестра, в следующий раз, будете готовить систему не полтора часа, а полторы минуты!» (семьдесят лет прошло — 1941–2011 — помню слово в слово). Вот такая наглядная наука внедряла опыт на десятилетия. Была и другая наука — привыкать к «сюрпризам» войны. Во время частых бомбежек тоже операционная, но очень ловкая и быстрая сестра Муся водила нас на крышу любоваться — б-р-р — нарядной, но смертоносной феерией бомбежек. Это «любование» было не слишком частым: у Муси — операции, у нас — носилки (при бомбежках спускали в подвал раненых).

Бомбежки учащались и становились все более массивными. Однажды все мы, от последней «курсистки» до начальника клиники, во время сильнейшей бомбежки спустились в подвал. Мы — между двумя рейдами с носилками по маршруту: палата — подвал. По-моему, все уже начали в душе прощаться с жизнью. И вдруг — совершенно невообразимый грохот, стены старого, вернее, старинного здания заколебались. Чувствовалось, что все-все внутренне выдохнули: КОНЕЦ! Но в этот раз пронесло. Бомба разорвалась в Неве, у самой клиники, но старые ее стены выдержали, не подвели, хотя бомба была очень большого калибра и ее падение, «разрыв» вызвали сильный резонанс.

Другой любопытный эпизод периода очень частых воздушных налетов также связан с учением на сестринских курсах при клинике В.Н. Шамова ВМА. Вблизи Литейного моста шел воздушный бой. Прорвавшийся в город фашистский самолет был атакован советским истребителем. Меня укрыло крыльцо с навесом одиноко стоящего прелестного домика (позже узнала, что именно здесь во время службы в Медико-хирургической академии Николай Иванович Пирогов создавал свой знаменитый анатомический атлас в рост человека. К сожалению, это мемориальное здание было снесено при строительстве гостиницы «Ленинград»²⁴). Самолеты нещадно обменивались огневymi залпами. Зрелище было и устрашающим, и незабываемо эффектным. Я дождалась финала боя. Наш истребитель

²⁴ Пирогов Николай Иванович (1810–1881) — врач, педагог, общественный деятель. Его анатомический атлас «Anatomia topographica sectionibus, per corpus humanum congelatum triplice directione ductis, illustrata» (1852–1859. 4 т.) в 1859 г. был удостоен Демидовской премии. В 1897 г. по инициативе Русского хирургического общества был открыт Музей Н.И. Пирогова, который располагался в специально для него перестроенном архитектором В.А. Шретером здании старого провиантского склада между Сампсониевским и Финляндским проспектами. Разобран в 1970-е гг. при строительстве гостиницы «Ленинград» (ныне «Санкт-Петербург»).

одержал победу: его пилот заставил пилота неприятельского самолета повернуть прочь от города. На моих глазах вражеский самолет не рухнул подбитым в Неву. Может быть, это не входило в задачу нашего пилота? Вероятно, это было опасно для домов на набережных обоих берегов реки.

Удовлетворенная увиденным, во-время прибежала в клинику, в которой меня многому научили, и я много полезного узнала не только по части чисто медицинских знаний и навыков, но и накопила хороший запас жизненной, человеческой мудрости. Постоянное присутствие на операциях, часто очень сложных, заставило уважать не только профессионализм хирурга, но и его решительность и отвагу, которые иногда совершенно необходимы при сомнительных или спорных моментах хирургического вмешательства. Вспоминаю нейрохирурга клиники Золотницкую²⁵, которая проявляла себя не только как отличный профессионал, но и как смелый, рискующий, но уверенный в правоте своих намерений человек и, что немаловажно, «слабый пол», женщина. Однажды я присутствовала на операции, которую она проводила. Вопреки мнению и советам своих ассистентов, она вторглась в святая святых — мозг раненого, чтобы извлечь осколок из его опасной зоны. Все прошло отлично, просчитанный риск оказался оправданным. После войны я снова встретилась не с самой Золотницкой, а с рассказом о ее роли спасительницы одного бывшего раненого из отделения, где старшей сестрой была одна из моих сослуживиц. После войны этот «наш» раненый стал ее супругом.

Специализацией нашего восьмого отделения были ранения голени. Виктор, будущий супруг моей подруги, был тяжело ранен в эту область нижней конечности. Его прооперировали по методу ведущего хирурга генерала Левита²⁶, требовательного и строгого начальника, послушаться которого не рисковал никто. Метод заключался в необходимости удаления из раны раздробленных нежизнеспособных костных частиц, оставление которых грозило остеомиелитом (гнойным их воспалением) или даже ампутацией. После операции

²⁵ Предположительно, Золотницкая Ревекка Моисеевна — нейрохирург, доктор медицинских наук, в 1948 г. защитила кандидатскую диссертацию «Изменения реактивности сосудов при повреждениях периферических нервов конечностей» (Военно-медицинская академия), в 60-е гг. работала в Ленинградском научно-исследовательском институте нейрохирургии им. А.Л. Поленова.

²⁶ Левит Владимир Семенович (1883–1961) — хирург, заслуженный деятель науки РСФСР (1936), генерал-майор медицинской службы, профессор, с 1942 г. один из заместителей главного хирурга Советской Армии.

зачищенные отломки отстояли друг от друга на 20 сантиметров. Организм не справлялся с такой гигантской лакуной в костях голени, костная мозоль медленно и плохо формировалась, была «мяткой». В итоге — инвалидность, тросточка вечная, а при возможном осложнении — костыли.

Моя подруга закончила после войны медицинский институт, оставленный на полпути мобилизацией в военную медицину. Природный организатор, она была заведующим одним из райздоров Ленинграда, хорошо ориентировалась в «медицинских сферах» города. На «гражданке» Виктору не повезло: посттриппозное осложнение (вирусная инфекция) поразила мозг. И моя энергичная и деятельная подруга среди известных ей специалистов избрала на роль спасительницы супруга знакомую мне со времен моих медицинских «штудий», замечательного доктора Золотницкую. Об этом поведала при встрече моя бывшая военная старшая медицинская сестра, и на «гражданке» проявившая себя как отличный администратор. Связь времен не оборвалась...

Опять возвращаюсь в печаль блокадных дней. Медицинские занятия курсов и дежурства в клинике перестала посещать прежде очень дисциплинированная представительница Политеха. Вдруг она появилась, вызвала меня. Я спустилась к ней. Замученная, похудевшая, она бросилась ко мне и объяснила причину своей «измены» медицине: «Знаешь, рою окопы. Там я хоть в кубометрах ощущаю свой вклад в общее дело. А здесь, в медицине не измеришь, все как-то не ясно и неопределенно — не измеримо...» Больше она не приходила... А вот из Института мы получили грустное известие — Галя Яшнова²⁷, студентка 3-го курса Metallургического факультета (был такой в те времена), молотовская стипендиатка, разрядница-горнолыжница, прекрасная пианистка, погибла на окопах под Тосно. 22 осколка смертельно ранили эту необыкновенную девушку. Не знаю только, были это осколки бомбы или снаряда. Как всегда, первыми уходят лучшие.

В первые дни войны стали терять своих школьных товарищей. Одноклассник, поступивший после окончания школы в 1940 году в один из военно-морских вузов, погиб, покидая Таллин на одном из многочисленных военных транспортов, на которых пытались переправить в Кронштадт наших моряков. Фашисты яростно бомбили эти транспорты, лишь немногие из них (моряков) остались в жи-

²⁷ Яшнова Галина Борисовна — родилась в 1922 г., погибла 8 августа 1941 г. Захоронена в пос. Тайцы Ленинградской области.

вых. А в конце августа 1941 года в госпитале, который размещался в Мечниковской больнице, умирали два выпускника уже 1941 года, получившие тяжелые ранения вскоре после призыва в армию. Очень заметные ребята. Один — известный гимнаст, из первой тройки победителей среди старших школьников. Другой — очень известный, но не столько «успехами учеными», сколько успехами у самых ярких девочек 20-й школы. Одну из них он попросил навестить его. Ира рассказывала мне об этом последнем свидании, точнее, прощании с ним.

А пояса затягивали все ту же. И если какой-то «продукт» «выбрасывали» без карточек, хватали его в максимально доступном количестве. Так, в бывшей пирожковой на 7-й линии Васильевского острова в один из августовских дней появилось так называемое клюквенное мороженое — замороженная вода, прилично обогащенная клюквенным соком. Я съела невероятное количество этого кислого льда. Итог — самый что ни на есть плачевный...

Знаменитый «Норд», ныне «Север»²⁸, «выбросил» на свои прилавки леденцы какого-то химического происхождения. Длиннющая очередь, я — в ее строю. И вдруг — воздушная тревога (к августу появились и дневные воздушные налеты). Всех загнали в подворотню. Давка страшная, я отчетливо поняла, как смертельно опасно скопление людей. Еще страшнее стало, когда фашистские самолеты провалились в небеса над Невским. Вдруг — удар дикой силы. Приготовились умирать, давя друг друга, но — пронесло. Бомба разорвалась напротив, в помещении Гостиного двора²⁹.

Памятна летняя премьера фильма С. Герасимова³⁰ «Маскарад» (Арбенин — Н. Мордвинов³¹, Нина — Т. Макарова³², Баронесса Штраль — С. Магарилл³³: теперь бы сказали — звездный состав).

²⁸ Булочная-кондитерская на Невском пр., д. 44 была открыта в 1903 г., тогда она именовалась «А. Андреев», в 1920-е гг. получила название «Норд», с 1951 г. — «Север».

²⁹ Большой Гостиный двор — построен в 1761–1785 гг., арх. Ж.-Б.-М. Валлен-Деламот. Расположен по адресу: Невский пр., д. 35. Как и весь Ленинград, Гостиный двор не раз подвергался бомбардировкам и артиллерийским обстрелам. В годы войны здание сильно пострадало, несмотря на все предпринятые меры по его сохранению. Большой ущерб Гостиному двору нанес пожар 14 марта 1942 г., вызванный зажигательными бомбами.

³⁰ Герасимов Сергей Аполлинариевич (1906–1985) — кинорежиссер, сценарист, актер, драматург, педагог. Народный артист СССР (1948). В своем фильме «Маскарад» (1941, по драме М.Ю. Лермонтова) сыграл роль Неизвестного.

³¹ Мордвинов Николай Дмитриевич (1901–1966) — актер театра и кино. Народный артист СССР (1949).

³² Макарова Тамара Федоровна (1907–1997) — актриса, педагог, сценарист. Народная артистка СССР (1950).

³³ Магарилл Софья Зиновьевна (1900–1943) — актриса. Заслуженная артистка РСФСР (1935).

Смотрела фильм в «Молнии»³⁴, на Большом проспекте Петроградской стороны. Во время сеанса объявляли несколько раз тревогу, нас, естественно, такое же количество раз выгоняли.

Война «косила» людей не только на фронте и в прифронтовых городах. Во время эвакуации Мосфильма и Ленфильма в казахскую Алма-Ата — там вспыхнула сильнейшая эпидемия какого-то кишечного заболевания (кажется, брюшного тифа). Эпидемии — постоянные спутники войн. Алма-Атинская унесла жизни прелестной «Софочки» Магарилл и исполнителя роли Фурманова в культовом (выражаясь по нынешнему) фильме «Чапаев» Бориса Блинова³⁵ — кумира девочек, девушек и женщин предвоенных лет.

Война упорно поджимала со всех сторон. Не забыть любимую Биржевую площадь, всю заполненную беженцами: бредут пешие, тянут ручные тележки с мелкой поклажей, на конных повозках имущество покрупнее, тянутся домашние животные, мычат коровы. Одна из них, в одиночестве прогуливаясь по травке, не забывая ее пощипывать, останавливается в изумлении перед постаментом с бюстом одного из знаменитых архитекторов и начинает его обнюхивать — еще оставались на Пушкинской площади (так с юбилея 1937 года называлась Биржевая), бюсты, по-моему, Кваренги и Тома де Томона, создателя Биржи и всего ансамбля вокруг нее³⁶.

В послевоенное время, в памятные дни 9 мая — дни Победы, среди кадров военной кинохроники бывали очень выразительные. К таковым, на мой взгляд, относится и тот, который запечатлел тетю, сестру матери. Тетя Маша воспитывала нас с сестрой с 1937 года, став нашей опекуншей, когда мы лишились родителей. Оператору удался скорбный кадр: на фоне Екатерининского сада одиноко стоит женщина. Июльская жара. Она — в легкой блузочке, горько-горько плачет, утирая слезы, а мимо шагают колонны солдат, в тяжелых сапогах и жаркой форме, шагают к последним рубежам осажденного города. И никто еще не представлял ужасов, которые скоро-скоро ожидают его жителей: голод и холод, водопровод и канализация не работают, электроэнергия в дома не подается, мучительные дальние экспедиции за водой, добыча топлива.

³⁴ Большой пр. Петроградской стороны, д. 35. Здание кинотеатра было построено в 1913 г. по проекту архитектора Н.А. Бреева.

³⁵ Блинов Борис Владимирович (1909–1943) — советский актер. Заслуженный артист РСФСР (1935).

³⁶ Сквер на Стрелке Васильевского острова был разрушен наводнением 1924 г. В 1925–1926 гг. был воссоздан по проекту архитектора Л.А. Ильина. Лицом к зданию Биржи были установлены бюсты Д. Кваренги и К. Росси работы скульптора А.А. Улина. Ограда сквера была заменена гранитными тумбами с цепями. В 1949 г. бюсты были убраны.

А главное — смерти родных и близких... Это трудно, невозможно себе представить. Это надо будет все пережить. Это все надо будет не только пережить, но и суметь достойно выстоять, не растеряться, оставаться человеком до последнего. Сложно, но необходимо. Только сильные могли остаться жить.

Это все впереди. А до начала октября — усиленные занятия медициной, зачеты, дежурства в клинике. Когда, по мнению руководства курсов и Выборгского РВК³⁷, «курсистки» «дошли до полной учености», настала пора призвать их на военную службу по «ВУС³⁸—122» — сестра медицинская — и направить по этой «военно-учетной» специальности на службу в военные госпитали, которые спешно разворачивались на самых разных площадках — от школ до гостиниц (причем, самого высокого класса, таких, как «Европейская»³⁹).

И вот я в одном из таких госпиталей, не в «Европейской»⁴⁰, конечно, а в бывшем летном училище имени Ленинского комсомола⁴¹, которое занимало, помимо нового здания на набережной Ждановки, 13, еще старинные здания Второго Кадетского корпуса⁴², в основном, ориентированные на улицу Красного курсанта.

Это училище было знакомо девочкам нашей 20-й средней школы Петроградского района еще с довоенных лет. Сюда после 9-го класса была направлена группа ребят для подготовки к военной службе. В их числе был и парень из моего класса. Он очень достойно выдержал все испытания суровых лет. Всю войну служил в авиации. Интересно, что их часть стояла как-то рядом с женским полком бомбардировочной авиации, воспитавшим несколько Героев Советского Союза⁴³. [Полк] знаменит своими встречами у Большого театра

в каждый из Дней Победы. Наш Эдгард рассказывал, что летчицы полка отлично воевали, показывая чудеса смелости, но возвращались на свою базу после ночных бомбардировок безумно уставшими. Многие из них даже не в состоянии были дойти до казармы — валились как подкошенные у самолета (какие только испытания не приносила война ее пережившим).

Так вот, наш Эдгард выстоял достойно. После войны окончил десятый класс (за ним было только девять). Под Москвой — военную авиационную академию⁴⁴ (Монинскую?). Успевал много читать, знал много стихов. Воспитал вместе со своей, по-моему, очень суровой женой отличного сына — студента Юрфака ЛГУ. Эдка «свел» его со мной, в БАН молодой человек «начитывал» литературу для диплома; показала ему нужное и в Справочном [отделе] и в систематическом каталоге. Аналогичные деловые отношения сложились у меня и с очаровательной Эдькиной невесткой, юной мамой, женой его сына, тоже студенткой.

Вспоминаю свое вступление на военную службу. Привели нас в столовую пищеблока бывшего училища. И вот один пожилой (на мой взгляд восемнадцатилетней) из сержантского состава уговаривал попить чайку. Девичья стайка застеснялась — «У нас не с чем...». Он добродушно просвещал нас: «Так вы давайте с учебным сахаром», — показывая на соль. После этих самых первых наставлений в воинской жизни мы отправились на громадный двор — плац бывшего Второго Кадетского корпуса, где были горой сложены койки. Их мы должны были перенести на отделение, где нам предстояло служить по военно-учетной специальности 122 — сестрами медицинскими. Носили под обстрелом. Методичные немцы обстреливали нас ежедневно с 14-ти часов. Были и жертвы. В один из дней погибла врач-офтальмолог, панически боявшаяся этих обстрелов. Она укрылась на лестничной площадке 1-го этажа, у входных дверей. Ее смертельно поразил залетевший туда осколок. Попадание в брюшную аорту вызвало обильное кровотечение и привело к летальному исходу, несмотря на быстрое хирургическое вмешательство. Второй случай произошел с медсестрой приемного покоя. При разгрузке сантранспорта с ранеными она «подхватила», по всей вероятности, два осколка. Один вынули из мягких тканей, другой — не то надолго «застрял» где-то в сердечной сумке или попал туда с током крови. После войны Нина, всегда веселая

⁴⁴ Военно-воздушная академия им. Ю.А. Гагарина — российское высшее военное учебное заведение, расположенное в поселке Монино Московской области. Академия создана в 1940 г.

³⁷ Выборгский райвоенкомат.

³⁸ Военно-учетная специальность — указание военной специальности действующего или находящегося в запасе военнотрудового ВС России и других войск и формирований.

³⁹ В настоящее время «Гранд Отель Европа» (ул. Михайловская, д. 1/7). Сооружен в 1873—1875 гг. (арх. Л.Ф. Фонтана).

⁴⁰ В блокадную зиму 1941—1942 гг. здесь был размещен госпиталь.

⁴¹ Второе Ленинградское авиационно-техническое училище им. Ленинского Краснознаменного комсомола. Многократно меняло название. В 1941 г. было эвакуировано в г. Ишим, в 1944 г. переведено в Ригу, где на его базе был сформирован впоследствии Рижский институт инженеров гражданской авиации.

⁴² Кадетские корпуса — привилегированные средние военно-учебные заведения закрытого типа (в С.-Петербурге было шесть кадетских корпусов). 2-й кадетский корпус (осн. в 1712 г.) размещался в комплексе учебных зданий по улице Б. Спасской, д. 14—18 (ныне Красного Курсанта) и Ждановской наб, д. 11—13.

⁴³ 46-й гвардейский Таманский Краснознаменный ордена Суворова 3-й степени ночной бомбардировочный авиационный полк, сформирован в октябре 1941 г. Формированием руководила М.М. Раскова, командиром полка была назначена Е.Д. Бершанская. Ежегодно 2 мая и 8 ноября ветераны полка встречаются в сквере Большого театра в Москве.

и бодрая, любимица «противоположного пола», вдруг почувствовала себя плохо, стала слабеть. Обследование определило осколок в сердце. Она легла на операцию. Но напуганная примером неудачного хирургического вмешательства в подобной ситуации, испугалась и буквально сбежала из клиники. Вскоре она ушла из жизни. «Помогло» эхо войны — злополучный осколочек.

Но не только военные объекты таили в Ленинграде опасность. Улицы и дома города подвергались безжалостным бомбежкам и обстрелам. Сестра одной из наших «перевязочных» потеряла ногу при артобстреле родного Невского района.

Армейская жизнь поначалу казалась непривычной, странной. Громадный дортюар времен Кадетского корпуса, приспособленный под место сна медсестер. Места для коек, да и самой территории маловато. Спим в очередь. Сегодня я сутки дежурю — спит моя сменщица. На следующие сутки она дежурит — я сплю. Работа — сон, сон — работа. Сон глушил голод. Но приходилось как-то минимально себя и все вокруг обихаживать. Так сложно все было при практически отключенных водопроводе и канализации.

Монотонность «сутки — через сутки» продолжалась всю войну. Иногда, нарушив уставные порядки, можно было схлопотать и «удлинение» 24-х часов. На сколько — по усмотрению начальства. Мне «повезло». В самом начале службы, когда уже начались вечные перебои с подачей воды, ночь одного моего дежурства украсила не только активность водопроводного крана, но и действующий теплый душ в приемном покое. Я, обрадованная, разбудила парнишку, которого завтра выписывали в часть, на фронт. Сумела даже сменой белья его снабдить. А он, вернувшись во всем чистом, бросил сверток сменного белья под койку. Мне было не до уборки — тяжелая смена. Утром пришел с обычной инспекцией начальник отделения, строгий военврач 2-го ранга. Окинув палату взглядом, обнаружил под одной из коек неположенный там сверток. «Чья палата?» — «Моя» — «Сколько дежурите?» — «Отдежурила 24 часа» — «Будете дежурить еще 12». То есть бесконечных 36 часов.

Судьба сурового начальника сложилась трагически. Во мраке зимы 1941–1942 годов, дежуря при свете коптилки, наблюдала, как два охранника уводили с отделения его бывшего начальника. Арестованный, без ремня, он понес жестокую кару «за паникерство». Шушукались: за то, что он настойчиво уговаривал вольнонаемных санитарок эвакуироваться — то есть сеял панику. А кто-то из близких ему врачей доложил об этом «паникерстве» кому и куда следовало. Больше мы не видели этого строгого начальника.

Время было суровое. Почти каждую ночь нас инспектировали. В одну из ночей я «попалась». Сидя за столом, я уронила голову на сложенные руки и задремала. «Высокий инспектаж», дежурный политрук, это узрел. Меня не спасло даже то, что рядом со мной, локоть в локоть сидела на посту дежурная сестра соседней палаты и бессонными своими глазами (сова) зорко наблюдала за всем. Вердикт проверяющего: трое суток гауптвахты за сон на посту. Не скажу, что эти трое суток показались мне физически слишком тяжелыми, нет. Ночью спишь, а днем двор метешь. Метешь, конечно, усердно, не так, как героиня незабываемой Любы Полищук⁴⁵ в «Интердевочке». Но гнетущее чувство несвободы, позорное пятно постыдного наказания подавляли морально.

Фамилию обидчика-политрука помню до сих пор. Ему тоже досталось: свыше поступил приказ — откомандировать в действующую армию. Струхнул он здорово. Не знаю, удалось ли ему избежать этой доли. Но из госпиталя он исчез. После войны его отыскивали, стали регулярно приглашать на наши традиционные встречи в День Победы. Бывшие сослуживцы приезжали из дальних городов. А он, ленинградец, единственный из всех, не был ни разу.

Я не вела дневник. Да это и не поощрялось, и было даже небезопасно. Воспоминания подступают, как в кино, наплывают без точной хронологической последовательности, вдруг.

Возвращаюсь опять к октябрю 1941 года. Только что мы стали военнослужащими. Строевая подготовка. Руководит ею строгий и педантичный, похожий на бывшего фельдфебеля, старлей⁴⁶. Проверив общий вид, «заправочку», чистые ли сапоги (у всех, по-моему, не меньше 45-го размера), которые должны были блестеть неукоснительно, лихо командовал: «Уткина, заа-певай!!!» Голосистая Уткина заводила прегромко строевую и — начиналась шагистика.

Рано наступившая зима 1941–1942 годов, холодная и снежная, прекратила эти уроки превращения (внешнего) легкомысленных девчат в образцовых военнослужащих Красной — Советской армии.

А вот 7 ноября 1941 года к обеду выдали доппаек — по шпротинке, курящим — табак, некурящим — по шоколадке. По-моему, это было единственный раз. Быстро все прекратилось, видимо, с окончанием запасов этого ценного продукта в городе.

⁴⁵ Полищук Любовь Григорьевна (1949–2006) — советская и российская актриса театра и кино. В фильме П. Тодоровского «Интердевочка» (1989) сыграла роль валютной проститутки Зины Мелейко, которая была осуждена за аморальное поведение на 15 суток и должна была мести улицы.

⁴⁶ Старший лейтенант.

Эта первая и, кажется, последняя шоколадка мне очень пригодилась. Я сразу решила отнести ее младшей сестре Тане, которая жила не дома в Гавани, на шестом этаже, а на первом этаже у знакомых на Петроградской. Это общий, бытовавший в войну, обычай: жильцы верхних этажей переселялись к родственникам и знакомым на этажи первые, в надежде обезопасить себя и детей от частых бомбежек.

И тут представился удобный случай для передачи — сопроводить раненого на распределительный пункт, откуда его должны были выписать в часть, не то на фронт, не то долечивать в ГЛР — госпиталь легко раненых. Располагался этот пункт на 9-й линии Васильевского острова, в прелестном особнячке (по-моему — дом 10)⁴⁷, где до войны был Дом пионера и школьника. Для подобных учреждений до войны подбирали такие симпатичные особнячки. Память моей биографии хранит Петроградский Дом пионера и школьника⁴⁸ — с прекрасными бесплатными кружками, в том числе драматическим и художественного чтения, которым руководила кавалерственная Стафьярова⁴⁹. Посещала его и я — это не самое главное. Главное, эта провидица разглядела в маленьком симпатичном мальчике талант будущего известного артиста Игоря Горбачева⁵⁰, впоследствии блиставшего не только на самодеятельной сцене ЛГУ, но и на подмостках академической Александринки⁵¹ и в кино. Помимо многочисленных кружков, включая стрелковый, в котором и я поражала меткостью выстрелов, в Доме существовала первоклассная районная детская библиотека. Главенствовала здесь изумительная крошечная женщина — библиотекарь Ольга Федоровна Хузе⁵². Строгая и доброжелательная, кладезь знаний, литературного вкуса и организатор-

⁴⁷ Особняк Н.К. Вадбольской (построен в 1886—1888 гг., арх. А.И. фон Гоген, А.П. Максимов, Н.А. Архангельский). В 1960-е гг. Дом пионеров и школьников Василеостровского района был переведен в д. 8.

⁴⁸ Дом коммунистического воспитания детей Петроградского района располагался по адресу: ул. Рентгена, д. 7.

⁴⁹ Стафьярова Антонина Георгиевна — преподаватель, проживала на ул. Б. Зеленина, д. 266.

⁵⁰ Горбачев Игорь Олегович (1927—2003) — советский и российский актер театра и кино, театральный режиссер, педагог. Народный артист СССР (1972). Герой Социалистического Труда (1987).

⁵¹ Александринский театр (учрежден в 1756 г.) — старейший национальный театр России. С 1832 г. располагается в здании по адресу: пл. Островского, д. 6.

⁵² Хузе Ольга Федоровна (1909—1981) — выпускница литературного отделения при Государственном институте истории искусств, библиотекарь, переводчик, литературовед, книгоиздатель. С 1931 по 1937 г. руководила Центральной детской библиотекой, которая являлась отделом Дома коммунистического воспитания детей Петроградского района. Житель блокадного Ленинграда до апреля 1942 г. С 1943 по 1951 г. директор Курганской областной библиотеки.

ских способностей. Был в библиотеке великолепный читальный зал в дубовом кабинете бывшего владельца особняка, где под чутким руководством Ольги Федоровны мы, стайка одноклассников 15-й школы-семилетки из нищего района вблизи Сытного рынка⁵³, в частые коллективные посещения наслаждались сокровищами этой детской читалки. Помнится, как аргументированно и достаточно резко Ольга Федоровна оценивала пьесу, избранную для постановки руководителем драматического коллектива Дома.

Некролог на уход из жизни этой незаурядной женщины я с грустью прочитала в журнале «Советская библиография»⁵⁵, работая в БАН'е. В жизни все время сталкиваются непредвиденные переплетения.

О судьбе этого незабываемого Дома. Бывшим его владельцем был инженер Чаев. Архитектор Владимир Апышков создал этот блестящий образец стиля модерн⁵⁵. В перестроечные годы глаз на него положили шведы, но жители района не уступили им Дом, ставший к этому времени районной стоматологической поликлиникой. Как-то летом я рискнула взглянуть на былые дубовые интерьеры. Все исчезло — унылая тоскливая белизна. Одно утешает: чуть-чуть привели в порядок блестящую внешнюю, наружную архитектуру, которая дошла уже до уровня невозполнимых утрат и разрушений. Извините, отвлеклась на опасную параллель.

Пора вернуться в сумрак хмурого, жестоко обстреливаемого ноябрьского Васильевского 1941-го. И страх, страх не из-за сильного обстрела и боязни за собственную жизнь, буквально ужас, что не сумею доставить шоколадку, если что-то случится. Пронесло, нормально добралась до Петроградской и вручила сестренке лакомство.

Жизнь с каждым днем все сильнее утрачивала свои привлекательные стороны. Все хуже с едой, все тяжелее бидоны с водой, которые продолжали таскать по ночам из Ждановки.

В палатах холод, единственный источник тепла — огромные железные бочки, которые топили дровами. Вспоминается очаровательная студентка Оля, невеста сына нового начальника отделения, военврача 1-го ранга. Он определил ее в качестве вольнонаемной санитарки на наше 8-е отделение. Оля усердно подкладывала дрова в огнедышащую бочку. Жар «вытянул» из ее наручных золотых часиков украшавшие их бриллиантики, но эта утрата не произвела ни на

⁵³ Сытный рынок — старейший рынок Петербурга, основан в 1711 г. Располагается в здании, построенном в 1912—1913 гг. по проекту М.С. Ляевича (Сытнинская пл., д. 3—5).

⁵⁴ Ольга Федоровна Хузе (1909—1981): [некролог] // Сов. библиография. 1982. № 1. С. 94—95.

⁵⁵ Особняк С.Н. Чаева (арх. В.П. Апышков) располагается по адресу: ул. Рентгена, д. 9.

нее, ни на нас, окружающих ее, ровно никакого впечатления. Зато изумляли рассказы Оли о том, как изощренно она издевалась над женихом, тем самым сыном нашего начальника. Влюбленный юноша приносил ей всегда коробочку пирожных и сообщал, что они те самые, из «Европейской», о которых она говорила. А Оля в ответ ему с оскорбительным, снисходительным равнодушием: «Разве? Я просила из “Астории”⁵⁶». В следующий раз «фирмы» менялись местами. Вот это действительно был удар по слушательницам блокадной зимы 1941–1942 годов.

А ретроспективные недоумения, почему до войны не варили затирку — легендарный мучной суп блокады. И клялись, клялись себе: «после войны» — времени постоянных мечтаний — будем варить часто-часто и обязательно погуще. Однако, когда послевоенная жизнь пришла в норму, увы, не слишком скоро, забыли о своих благих намерениях.

Голод жестоко мешал заживлению ран. Раненые превращались в дистрофиков.

Вспоминаю очаровательного солдатика из соседней палаты, бывшего студента знаменитой предвоенной «Корабелки». С двух сторон Саша подвергался атакам — голода и «плохой» раны. Однажды, передавая мне смену, сестра «его» палаты со слезами на глазах умоляла смотреть только за ним (на попечении у меня были две палаты — моя и ее, так как некому было принять).

Но ослабленный организм не справился с двойной нагрузкой — в ту ночь Саша умер. Утром выпросила у кастелянши матросочку с гойсом — фирменным морским воротником — и обрядила Сашу в последний путь.

Дистрофия наступала. Мы до последнего вздоха хлопотали над ее жертвами. А что было в нашей власти? — инъекции кофеина и камфары. А им была нужна еда. Первый, будто внезапно, умерший дистрофик. От чего, какой напасти? Бегу к старшему терапевту госпиталя, энергичной и знающей Татьяне Сергеевне Истамановой⁵⁷. Она моментально приходит и указывает в эпикризе причину смерти — паралич сердечной деятельности — своего рода эвфемизм, но по-научному верно указано название финала заболевания — алимен-

⁵⁶ «Астория» — гостиница, открыта в 1912 г. (здание строилось в 1911–1912 гг., арх. Ф.И. Лидваль). С первых дней существования приобрела репутацию одной из лучших гостиниц в Европе.

⁵⁷ Истаманова Татьяна Сергеевна (1900–1986) — гематолог, заслуженный деятель науки, профессор, с 1947 по 1974 г. руководила кафедрой факультетской терапии С.-Петербургского государственного медицинского университета им. акад. И.П. Павлова.

тарной дистрофии. Все чаще мы сталкивались с симптомами этой самой алиментарной дистрофии — тремя «Д»:

1. Дерматит — обезжиренный, шелушащийся кожный покров;
2. Диарея — кишечные расстройства, голодный понос;
3. Дементия — расстройства сознания, близкие психическим расстройствам.

А мы продолжали бороться за жизни этих обреченных до последнего, как нас учили наши наставники, честно следовавшие клятве Гиппократова. Да, мы выполняли свои человеческие обязанности, заповеди гуманизма. Но медицина была при последних стадиях болезни бессильна. Только к весне-лету 1942 года наметился какой-то сдвиг, какая-то положительная динамика в борьбе с этим бичом блокады.

Все время пытаются уточнить число жертв блокады — до сих пор. В «Российской газете» за четверг 31 марта 2011 года, в № 68 (5444) на с. 30 помещена информация о том, что настоятель Князь-Владимирского собора в Петербурге, протоиерей Владимир Сорокин создал памятник по пяти миллионам погибших за Россию. Осуществить эту грандиозную задачу с помощью электронных технологий практически сумел совершенно безвозмездно инженер — прихожанин собора, предварительно составивший программу для своего компьютерного поиска. Таким образом, в этот пятимиллионный церковный синодик занесены имена 900 000 погибших в блокаду ленинградцев, 1 500 000 погибших в Великую Отечественную войну воинов и 2 500 000 жертв политических репрессий. Цифры впечатляют.

Страшная цифра — почти миллион погибших в блокаду. Это жертвы не только голода, но и дополнительных непосильных физических нагрузок на голодающих жителей города всех категорий.

На заводах многочасовой труд при практически мизерных калориях (250 рабочих граммах хлеба и «водяном» приварке) истощал силы. Они только черпались из организма человека, а взамен не доставлялся полноценный восстановитель. Длиннющие пешие переходы, подчас из одного конца города в другой, аномально холодной зимой. А служащие, дети, не работающие старики с их ста двадцатипятиграммовым пайком. Да надо привезти издалека (на саночках) воды, когда так сложно наполнить черпаком ведро (заледенелый высокий бортик вокруг проруби не дает поднять ведро целиком — сил нет). Сзади очередь раздраженных дистрофиков. Несколько раз я участвовала в подобных «экспедициях» от невской проруби, куда спускались с Иоанновского моста. Туда надо было проделать путь от угла Пушкинской и Кронверкской и вернуться потом на этот же угол.

А проблемы с отоплением? И при этом всем очереди за хлебом, страх за сохранность карточек, утрата которых — неотвратимая голодная смерть, а угнетенное состояние от вечной грязи вокруг и на тебе, педикулез повсеместный, несчастные дети-старички. Удираешь в самоволку с куском хлеба для сестры, а они словно чувствуют, что у тебя есть эта драгоценность. И весь детский сад, построенный по двое, бредущий (не знаю — «гулять» или с другой целью) просит кусочек. А ты не можешь им помочь.

Выживали только сильные духом. Я знала одну из таких. Елена Соломоновна жила в маленьком домике на Пушкарской. Я в той или иной степени знала каждую из этих четырех родственных друг другу семей, живущих в этом доме. В разгар блокады я навестила Елену Соломоновну. Накануне войны она потеряла умершего от туберкулеза старшего сына школьного возраста Володю. Это был удивительно светлый юноша. Только единицы подобных ему встречались мне в этой жизни. А вот теперь еще одна утрата — младший, Ленья, партизанивший в лужских лесах (не уточняла, как он там оказался). Елена Соломоновна, ведущий библиотекарь Дома техники на Невском⁵⁸, рядом с Елисейевским магазином. Увы, в послевоенные годы преобразования уничтожили его практически. «Наши люди» (помню, в их числе Ольга Порфирьевна Белявская⁵⁹) поместили в «Ленинградской правде» возмущенное письмо-заметку, даже статью. Елена Соломоновна работала и во время войны. Меня поразили достойный вид и самой Елены Соломоновны, и ее ставшего одиноким жилища. И что самое удивительное, редкое зрелище — на веревке у печурки сушится белье. Очень сильной женщиной показала себя Елена Соломоновна. Мужество при трагизме всей обстановки: утрата обоих прекрасных сыновей, муж в армии, блокадные тяготы жизни ее не сломали. Мне вспоминается и ее племянница, студентка Ленинградского медицинского института, проживавшая в том же домике до его сноса. Потерявшая в войну ногу, она не отчаялась. Я видела ее после войны, оживленной, подвижной (еще без протеза) на костылях. Такие сильные люди и выживали, крепились, сохраняя достоинство. Я не даром упомянула о стиранном белье Елены Соломоновны. На собственном горбу испытала.

Я уже говорила о тех нагрузках полного самообслуживания в стенах госпиталя — вода, отопление (доставка дров со всякого рода

⁵⁸ Дом научно-технической пропаганды Ленинградской организации общества «Знание» (Невский пр., д. 58). Открыт в 1923 г. В 1991 г. лишен прав юридического лица.

⁵⁹ Белявская Ольга Порфирьевна (р. 1925) — сотрудник Библиотеки Российской академии наук с 1950 г.

«топлезаготовок» и т. п.). Одной из повинностей была и стирка белья раненых — нательного и постельного. Адский труд: минимум воды и мыла, дикое состояние всех «объектов». А еще надо отжать... Не забыть мне и ту «ценную» находку в соседнем бывшем ангаре — какие-то выкинутые брошюры, листы бумаги. Употребляли их как подсобные средства личной гигиены, как «пеленки» и т. д. Начальство одобрило, а педикулез — взаимный: и у «них», и у «нас». Но случаев сыпного тифа не было не только у нас, но, по слухам, ни в других госпиталях, ни на «гражданке» не встречался. Невероятно, но факт. Уберегли блокадный город от проникновения в него страшной инфекции. А, может быть, блокада и уберегла?

Недаром наша печать неоднократно упоминала, что в планах Гитлера было людоедское намерение — стереть Ленинград с лица земли. Для этого все фашистские действия и были направлены — и удушающая блокада, и прямые смертоносные обстрелы и бомбежки.

Кинохроника тех лет убийственно точно запечатлела вереницы людей, везущих умерших на саночках в самодельных гробах или просто завернутых в то, что дома нашлось, на кладбища, где рвали землю под братские могилы жертвам блокады, или, коли сил и вовсе не было, везли в ближайшие временные морги. Единицы имели возможность похоронить своих близких в отдельных могилах (чего стоило в прямом и переносном смысле их рытье в мерзлой земле морозного 1941–1942, да и следующей зимы). Многие, обессилев, оставляли свой скорбный груз, не доведя до цели. Немало было и людей, уходивших из жизни прямо на улицах, умиравших прислоненными к стенам домов или перилам мостов. И в городе существовали даже специальные работники по уборке трупов. Две мои довоенные приятельницы, встретившиеся мне зимой 1941–1942 годов на перекрестке Введенской и Большого проспекта Петроградской стороны, на мой вопрос: «Как живете, чем занимаетесь?» — лаконично ответили: «Убираем трупы». По городу действовало несколько временных моргов. Один такой морг был размещен вблизи Дворца культуры Кирова, в помещении бездействующего Гаванского рынка⁶⁰. В первые послевоенные годы рынку вернули его прямые функции, но они плохо приживались. Люди помнили его скорбное блокадное прошлое. Здесь было мало и торгующих, и покупающих. Его, как недобрую память, снесли и построили на его месте незатейливую гостиницу.

⁶⁰ Располагался на пересечении Детской улицы и Среднего проспекта Васильевского Острова. Построен в начале XX в. (арх. А.К. Монга). Разобран в 1970-е гг. при строительстве гостиницы «Гавань» (в настоящее время бизнес-центр «Baltic Plaza»).

Все это надо пережить. Мало прочесть и прослушать. И, как всегда, прав гениальный классик, который передал в двух словах суть, зерно истины: «Нет, только тот, кто знал...»⁶¹. Да, оценить и прочувствовать все могут только люди, пережившие этот нечеловеческий ужас, хочется сказать — бред: так было все несовместимо с настоящей, правильной жизнью. После войны многие блокадники умирали от жестокой гипертонии, ее даже называли злокачественной. Ею страдали даже дети. И чем глубже мужественные люди прятали от других и от себя, загоня «внутрь», страдания, тем заметнее это потом прорывалось недугами. Несмотря ни на что, жизнь взывала к обязательному выполнению всех ее условий для существования. Каждый живущий в кольце блокады делал все «через не могу», на что хотя бы минимально был способен — вынужден был быть способным.

В январе (конец его) — начале февраля 1942 года группу сестер госпиталя направили на лесозаготовки на Ладогу. Бревна были уже подготовлены: лежали груды у железной дороги, по рельсам которой подгоняли открытые платформы. На них мы поднимали снизу эти бревна и укладывали их «путем». Жили в палатках, которые слабо обогревались маленькими «буржуйками». Спали по двое на деревянных щитах, положенных на деревянные «козлы». Ночью примерзали боками к палаточным «стенкам». Как-то с утра вдруг заморосил довольно сильный зимний дождь. Выданный мне по уставу х/б бушлат на вате сильно промок. Днем вдарил мороз. Меня, как панцирем, сковало заледеневшим бушлатом. Девчонкам — ничего: они, продвинутые, сумели даже во мрачные времена «построить» себе шинельки, сукно которых не пропускало влагу и держало тепло всех «пододежек». Что ожидало меня, ледышку? — пневмония или что похуже? И тут сработала воинская находчивость. На Ладоге мы должны были провести 23 февраля — День Красной армии, ныне День защитников Отечества. Этот день отмечался выдачей наркомовских ста граммов⁶². Но, так как на момент нашего отъезда водка на госпитальный продсклад еще не поступила, хозяйка снабдила нас на грядущий праздничный день аптечным 90-градусным спиртом: по 50 грамм на брата, вернее, на сестру.

И вот, после работы, меня в палатке-кухне усадили на какие-то мешки с припасами и отмерили 50 грамм ректификата — такого

⁶¹ Первая строка из стихотворения русского поэта Л.А. Мея (1822–1862) «Песнь арфиста» (Нет, только тот, кто знал... из Гете). Приобрела известность благодаря романсу П.И. Чайковского.

⁶² Неофициальный термин, имевший хождение в 1940-х гг. в период ведения Красной Армией боевых действий, которым обозначали норму выдачи алкоголя военнослужащим.

ароматного и даже вкусного моего спасителя. Начала согреваться: все понимаю, в полном сознании, а двинуться с места не могу. Так, спасенная, заночевала у кухарки нашей. Утром — как «стеклышко», бодрая, высушенная у буржуйки — на погрузку. В конце февраля — начале марта 1942 года вернулись на свои дежурства в госпиталь. Наши бревна оченьгодились в хозяйстве — первоклассное топливо.

В госпитале по-прежнему тяжело: грязь, холод, голод, неустроенность. У меня к вечеру стала резко подниматься температура — не знаю, почему. Кругом «докторье» (их самоназвание), но обращаться было некогда и бесполезно — все равно надо было заступать на сутки — через сутки. За наше отсутствие ладожское оставшиеся сестрички несли двойную нагрузку. Надо было освобождать их от «своих» палат. С весной стало полетче. Просыпалась природа, просыпались и мы потихоньку. Стали пить витаминный хвойный сок, появилась какая-то вода разных цветов, не знаю, чем ее красили, но сознание новый «продукт» грел. «Грел» и весенний яркий свет. Бомбежки продолжались.

26 апреля, в день моего рождения, вокруг здорово «тряхануло». Мы — ничего. А вот в госпиталь в Инженерном замке⁶³ угодила бомба. Оставшихся в живых переводили к нам, на Ждановку и в ближайший к Замку госпиталь в здании Библиотечного института⁶⁴. Потом часть сестер оттуда была откомандирована в наш сортировочный эвакуогоспиталь № 282, начинавший свою службу как армейский — 55-й армии⁶⁵.

Первой жертвой среди госпиталей был расположенный в мрачном сером здании бывшего военного учреждения на Суворовском проспекте⁶⁶. От прямого попадания мощной авиабомбы мало кто вы-

⁶³ Императорский дворец (ул. Садовая, д. 2). Построен по заказу имп. Павла I в 1797–1801 гг. В период Великой Отечественной войны в замке располагался госпиталь.

⁶⁴ Ленинградский библиотечный институт основан в 1918 г., с 1925 г. располагался в доме Салтыкова (Дворцовая наб., д. 4). На время Великой Отечественной войны дом был занят под госпиталь.

⁶⁵ 55-я армия — оперативное войсковое объединение (общевойсковая армия) в составе Вооруженных Сил СССР во время Великой Отечественной войны. В составе Ленинградского фронта с 01.09.1941 г. по 01.12.1943 г.

⁶⁶ Суворовский пр., д. 50/52. В 30-е гг. здесь располагалась Академия легкой промышленности. 19 сентября 1941 г. после попадания нескольких бомб возник сильнейший пожар. Было разрушено большинство лестничных клеток, обрушились перекрытия. В этом очаге поражения, по разным данным, погибло от 600 до 800 человек — раненых бойцов и медицинского персонала. Это крупнейшее за всю войну количество жертв в одном очаге поражения в Ленинграде. В настоящее время в этом здании располагается Главное управление министерства внутренних дел России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

жил. Погибли почти все девочки из Инъязя у Смольного⁶⁷, окончившие там краткосрочные курсы медичек. Посчастливилось тем, которые были изначально командированы не на Суворовский проспект, а к нам. «Наши» часто вспоминали своих погибших юных подруг.

И все-таки, все-таки жизнь просыпалась. 12-го апреля пустили трамвай⁶⁸ (апрель — точно, а вот число могу напутать — маршрут был 12-й). Город оживал. Его усиленно чистили горожане, точнее, горожанки, чистили здорово — силой духа.

«Уборщиц» премировали посещением бани. Постепенно, робко, сначала периодически, заработали водопровод и канализация, включалось и электричество.

Стали посещать соседнюю баню на Чкаловском⁶⁹. Эти масштабные мероприятия совпали чуть позже с начавшимися концертами в зале нового здания на Ждановке. Чудо! Участниками их были прежде всего ансамбль песни и пляски родной нашей 55-й армии — девчонки и мальчишки, отлично обученные еще во Дворце пионеров. После войны большинство этого коллектива (а, может быть, все) составило популярный ансамбль под руководством Обранта⁷⁰. Часть из них еще долго «танцевала» солистами Ленгосэстрады. Одну очень интеллигентную девушку Эдду я встречала на заочном отделении ЛГУ. Были и концерты «академических» артистов, по каким-то причинам не уехавших со своими театрами в эвакуацию.

Вспоминаю ттеца — артиста Александринки, исполнителя классики, часто переводной, иностранной. Пела солистка Кировского Елизарова⁷¹, еще очень дистрофичная. Черный двубортный костюм ее буквально «обволакивал».

⁶⁷ Первый Ленинградский государственный педагогический институт иностранных языков. Располагался по адресу: ул. Смольного, д. 3. В 1956 г. вошел в состав Филологического факультета Ленинградского государственного университета.

⁶⁸ 8 декабря 1941 г. из-за нехватки электрических мощностей, вызванных блокадой, прекратил функционировать трамвай. В марте 1942 г. было возобновлено движение, сначала грузовых трамваев, а 15 апреля — и пассажирских.

⁶⁹ Чкаловский пр., д. 12.

⁷⁰ Обрант Аркадий Ефимович (1906–1974) — советский балетмейстер и режиссер, педагог, создатель и руководитель Молодежного ансамбля танца (1942–1958). В 1937–1941 г. работал в Ленинградском Дворце пионеров балетмейстером Ансамбля пионеров. В первые дни войны ушел в народное ополчение. В конце первой блокадной зимы, в феврале 1942 г., собрал некоторых из своих бывших учеников для пополнения агитвзвода 55-й армии. После лечения крайне истощенных подростков из них был образован Молодежный фронтовой ансамбль при политеделе 55-й армии, который дал более трех тысяч концертов на фронте и в городе. В 1945 г. на его основе был создан Молодежный ленинградский ансамбль танца в системе Ленгосэстрады.

⁷¹ Елизарова Мария Александровна (1897–1978) — лирическое сопрано, педагог, заслуженная артистка РСФСР, солистка Ленинградского академического малого оперного

Елизарова и ее супруг Атлантов⁷², известный солист Малого оперного театра (Малегот — ныне Михайловский) — родители знаменитого тенора Атлантова⁷³. Сначала он блистал в Ленинграде, потом в Москве, далее в Вене. Люди и судьбы — их неожиданные переплетения подтвердит и следующая встреча.

Характерная для тех времен сцена произошла на моих глазах в столовой госпитального пищеблока. Как всегда, на дежурстве было беспокойно и я поздно пришла на обед. Что-то мне все-таки выдали. Сидя за «выданным», увидела подошедших к святой святых — раздаче — двух балетных Кировского театра: Н. Сахновскую⁷⁴ и Р. Гербека⁷⁵. Не помню, сопровождал ли их кто-нибудь или они пришли одни, по чьей-то «наводке», или просто по собственной инициативе. Н. Сахновская попросила какой-нибудь еды. Мгновенно получила отказ — ничего нет. Балерина в ответ горько и как-то убежденно и просяще одновременно: «Но мы же не сможем танцевать на концерте...». Невозможно было дальше присутствовать при этом диалоге. «Наскребли» ли эти весельные что-нибудь несчастным артистам, танцевали они на предстоящем [концерте] или нет — не знаю. У меня дальше до утра продолжалось суточное дежурство. Зато после войны я часто встречала этот дуэт на балетных и сборных концертах в Филармонии, в роли успешных исполнителей темпераментных и ярких номеров. А Роберт Иванович (Иосифович) блистал по-прежнему на сцене Кировского в коронной своей роли Эспады в «Дон-Кихоте»⁷⁶, лихо жонглируя алым плащом. Лучше него этого никто не делал (задним числом: не знаю, почему они были в это время в блокадном городе, когда весь театр в Перми. А имена их называю потому, что оба они уже ушли из жизни.

Из театральных впечатлений блокадных дней — поход в Александринку, на сцене которой всю войну выступал театр

театра и Ленинградского театра оперы и балета имени С.М. Кирова, затем — консультант по вокалу в Кировском театре. Мать В.А. Атлантова.

⁷² Атлантов Андрей Петрович (1906–1971) — бас, солист Ленинградского академического малого оперного театра и Ленинградского театра оперы и балета им. С.М. Кирова.

⁷³ Атлантов Владимир Андреевич (р. 1939) — советский и российский оперный певец (тенор). С 1967 г. солист Большого театра. Народный артист СССР (1976). Каммерзенгер Австрии (1987).

⁷⁴ Сахновская Наталия Павловна (1908–1990) — балерина Ленинградского театра оперы и балета им. С.М. Кирова. После эвакуации театра осталась в городе, выступала с концертами в госпиталях, на заводах, на передовой.

⁷⁵ Гербек Роберт Иосифович (1907–1994) — танцовщик, балетмейстер, педагог, заслуженный артист РСФСР (1954), лауреат Государственной премии СССР (1951).

⁷⁶ Балет по роману М. Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский». Наиболее известна постановка балетмейстера А. Горского на музыку композитора Л. Минкуса.

Музкомедии⁷⁷, не успевший своевременно эвакуироваться — кольцо захлопнулось перед ним. Театр был полон. Основные зрители — военные моряки. Вокруг стояли корабли — и на Неве, и на Финском заливе. Корабельные орудия вели постоянный огонь по фашистам, подавляя их огневые точки.

Холод в театре жуткий — зима 1942–1943 годов была подобна суровой зиме 1941–1942. Шла оперетта «Раскинулось море широко»⁷⁸, текст которой написал Всеволод Вишневский⁷⁹, военный корреспондент Ленфронта. Жил он в деревянном двухэтажном доме-даче на Песочной улице (ныне профессора Попова, 10). Дом этот, как и соседний, по бывшему большому саду, выходящему на Карповку, построил для деятелей искусств известный предприниматель⁸⁰. В этом соседнем доме долгое время жил, творил и учил известный художник Филонов⁸¹ — человек глубочайшей уверенности в правильности своих творческих убеждений, не принятый при жизни верхами, влачивший полуголодное существование. Ушел он, умерев от голода в декабре 1941 года, в числе первых блокадных почти миллионных жертв. Ныне имя Филонова широко известно. В Русском музее была представительная выставка его картин. Многие из них спасены его сестрой⁸². В блокаду, пешком она переносила их из квартиры Филонова.

А домик, где обитал Всеволод Вишневский в блокаду, сохранили, видимо, в его память. Теперь, вблизи нового громодья, он ласкает

⁷⁷ Санкт-Петербургский театр музыкальной комедии (Итальянская ул., д. 13). Ведет свое начало с 1929 г. В годы Великой Отечественной войны театр и его коллектив проявили невиданные героизм и мужество, работая все 900 дней Ленинградской блокады в осажденном городе.

⁷⁸ «Раскинулось море широко» — музыкальная комедия (композиторы Л.Ф. Круц, Н.Г. Минх, В.Л. Витлин, текст В. Вишневского). Премьера состоялась 7 ноября 1942 г. в Театре музыкальной комедии, который выступал в здании Александринского театра.

⁷⁹ Вишневский Всеволод Витальевич (1900–1951) — писатель, драматург, сценарист. Участник обороны Ленинграда, военный корреспондент.

⁸⁰ В 1891 г. участок приобрел известный в то время литератор и журналист В.О. Михневич (автор путеводителя «Петербург весь на ладони» (СПб., 1874)). Для него архитектором Е.П. Вейнбергом уже имевшееся здесь деревянное здание было надстроено вторым этажом. Такой облик дом № 10 на улице Профессора Попова имеет по сей день. В 1899 г. после смерти Михневича две трети участка с деревянными строениями были переданы Литературному фонду, который официально назывался «Общество пособия нуждающимся литераторам и ученым». Жили в основном писатели. Квартиры сдавались в наем либо за умеренную плату, либо безвозмездно.

⁸¹ Филонов Павел Николаевич (1883–1941) — живописец и график, жил в доме-общечитии писателей им. В.И. Голубева на ул. Литераторов, 19, построенном на средства крупного предпринимателя и инженера В.Ф. Голубева.

⁸² Филонова-Глебова Евдокия Николаевна (1888–1980) — певица, педагог. Сестра П.Н. Филонова. Спасла и сохранила произведения брата после его смерти в 1941 г.

глаз уютом давних лет. И применение для него нашли достойное — там ныне музей русского авангарда, устраиваются любопытные выставки. Например — мемориальные в честь творивших здесь в первой четверти XX века художника и музыканта М. Матюшина⁸³ и его жены Елены Гуро⁸⁴, художницы, которая и стихи писала.

«Музыкалку» посетила, а вот на премьеру 7-й симфонии Шостаковича⁸⁵ не попала — была на заготовке топлива под Колпино⁸⁶. В реку Ижора пригоняли под него баржи. Углем загрузили первую, вторую — горючим сланцем. Это — «излишки» того, что прежде принадлежало Ижорскому заводу⁸⁷. Конец лета и осень 1942 провели мы здесь под периодическими обстрелами, слушая свист пролетающих снарядов. «Специалисты-слухачки» определяли: «пошел — пошел — вышел!»: то есть шел-шел мимо нас, да весь вышел мимо. Хорошо, что так было все время в период нашего ижорского гостевания.

Хотя некоторые чуткие натуры тревожно предупреждали: вот сегодня не будет «мимо» — попадет... Но все обошлось. Начальство, напуганное прошедшей лютой зимой 1941–1942 годов, боялось повторения ее грядущей 1942–1943. Девиз — хоть и в голоде, да не в холоде. Потому были и еще бригады заготовительниц. Одни — трудились на лесозаготовках в Сертолово⁸⁸, другие — под началом незабываемой Екатерины Петровны Семеновской⁸⁹ (врач-хирург) крушили деревянные дома Новой⁹⁰ и Старой⁹¹ Деревни (их мне очень жалко, такое было благолепие в садочках). Но — надо! Жизненно необходимо. Так

⁸³ Матюшин Михаил Васильевич (1861–1934) — русский художник, музыкант, теоретик искусства, один из лидеров русского авангарда первой половины XX в.

⁸⁴ Гуро Елена Генриховна (1877–1913) — русская поэтесса, писатель и художница.

⁸⁵ 7-я симфония Д.Д. Шостаковича была впервые исполнена 9 августа 1942 г. в осажденном Ленинграде в Большом зале Филармонии оркестром радио под управлением К.И. Элиасберга.

⁸⁶ Колпино — город в Ленинградской области, с 1936 г. вошел в состав Ленинграда.

⁸⁷ Ижорский завод — предприятие тяжелого машиностроения. Ведет свое начало с 1722 г. В Великую Отечественную войну из рабочих завода был сформирован Ижорский батальон. На заводе производили корпуса танков, броневые автомобили, боеприпасы, бронеколпаки для ДОТов и др.

⁸⁸ Сертолово — поселок, основан в 1936 г. как военный поселок в приграничной зоне на месте бывшей ингерманландской деревни, жители которой были депортированы. С 1998 г. город во Всеволожском районе Ленинградской области.

⁸⁹ Семенова Екатерина Петровна (1914–?) — капитан медицинской службы, ординатор, хирург СЭГ № 282, после Великой Отечественной войны в 1960–1965 гг. возглавляла Ленинградский педиатрический медицинский институт, доцент.

⁹⁰ Новая Деревня — исторический район Санкт-Петербурга на правом берегу Большой Невки, напротив Каменного острова (Приморский район).

⁹¹ Старая Деревня — исторический район Санкт-Петербурга на правом берегу Большой Невки, напротив Елагина острова (Приморский район).

трудно было «проталкивать» грузы в стиснутый вражеской блокадой город. А надо было подвозить через Ладогу не только съестные припасы, но и припасы боевые для бойцов Ленфронта, оборонявших нас изнутри блокадного кольца. Ведь прорыв блокадного кольца произойдет в результате операции «Искра»⁹² только в январе 1943-го, а полное снятие — только в феврале 1944-го — 900 блокадных дней, 900 000 погибших ленинградцев. Они, пока дышали, ждали вместе с теми, кто увидит город свободным от долго сжимавших его тисков. «Просто мы [переиначивая К. Симонова] умели ждать, как никто другой»⁹³. Ждали, веря в успех каждой попытки прорыва, которых было немало.

Мы не только нагружали баржи топливом, по вечерам и ночами мы их охраняли, ни на минуту не оставляя их (баржи) в одиночестве. Дежурили по одиночке, с винтовкой в руках. Отдежурила ночью и я. Приняла от вечернего дежурного пост, винтовку и начала отсчет времени — мысленный, так как часов не было. Шагая в кромешной темноте в «одиночестве вдвоем» — с винтовкой, дошагалась до слабых предзвездных сумерек. И вот заметила, что некто третий намеривается нарушить мое «одиночество вдвоем с винтовкой». «Некто» — мужчина в военной форме. Струхнула, не скрою. Да, страх и за себя, и за винтовку. Отберет ее — верный трибунал. Стрелять-то я в него не буду.. Живо мобилизовала все свои возможности к переговорам, не забывая крепко прижимать к себе винтовку. Чудо произошло — склонила парня к переговорам. До утра мы душевно беседовали с ним, мечтая о приходе мирного времени. Любимый сюжет военных дней.

Одно светлое воспоминание осталось о пребывании в этом обезлюдившем поселке (в доме, который мы занимали, была только одна жиличка). Но зато по соседству был не то полковой, не то дивизионный клуб, где изредка крутили кино. Тамошнее военное начальство допускало и нашу девичью бригаду. Показывали в «нашем» клубе и вышедшую в 1941 году картину «Свинарка и пастух»⁹⁴. Смотрела я больше не на экран, а на реакцию солдат-зрителей, приведенных строем в клуб. Это был совершенно невероятный зрительский восторг, искреннее веселье и одобрение.

Не обошлось и без приключений. В кухне за плитой-печкой хранились запасные сапоги, обмундирование и прочее. От перегретой

⁹² «Искра» — кодовое наименование плана операции советских войск по прорыву блокады Ленинграда. Разработан в конце декабря 1942 г., осуществлен в январе 1943 г.

⁹³ Цитата из стихотворения Н. Симонова «Жди меня» (1941).

⁹⁴ «Свинарка и пастух» (1941) — музыкальный художественный фильм, режиссер И.А. Пырьев, композитор Т.Н. Хренников.

печной стенки весь «товар» затлел. Все, кроме меня, были на киносеансе в клубе. Хорошо, забежав в кухню, (услышав подозрительный треск), я быстро до клуба добежала, быстро удалось потушить все силами военных, но страху натерпелись. Потом быстро все успокоилось, и погрузка барж продолжалась. Но пожаров и открытого огня я с тех пор боюсь панически. И пришлось пережить ужас февральского пожара 1988 года в Библиотеке⁹⁵. Восприняла его как большую трагедию. И старалась быть наравне со всеми, кто прилагал последние силы, «погасить» урон, спасти то, что еще можно было спасти.

Во время моего казарменного положения я не могла встречаться регулярно с младшей сестрой. Ей, дошкольнице, тяжело досталось в военные годы. Сначала — жизнь на Петроградской у знакомых, потом вынужденное переселение на Большую Охту, где жила ее бывшая няня. Валя с очень преданной любовью относилась к своей любимой малышке, которая трехлетней осталась без родителей, не покинула ее в тяжелых условиях, в которых ей пришлось жить вместе с нами. Когда верная Валя умерла, тете удалось определить Таню в детсад, который занимал помещение ресторана «Метрополь»⁹⁶. Поначалу садик не был интернатом, и Таня одна вышагивала от Гавани — нашего места жительства после изгнания из прежней квартиры — до угла Невского и Садовой. Шла мимо Смоленского кладбища, мимо морга, в который был превращен бывший рынок. Туда и обратно, под частыми обстрелами. Блокадные переживания не оставили ее и после «переселения» в детсад с «ночлегом». Не влюбила она и переулочек Крылова — путь на прогулку в Екатерининский сад. И здесь, и в саду, они встречали много окрестных дистрофиков. Особенно запомнилась ей дама, которая явно знавала лучшие времена. В руках она держала то куклу неземной красоты, то фантастически прекрасную вазу, а то и одновременно оба предмета. И безуспешно умоляла поменять эти ненужные ей «сокровища» на хлеб.

Я успела несколько раз (мало) навесить Таню до своего отъезда на заготовки под Колпино. Вернувшись оттуда осенью, не застала ни сестру, ни тетю. Осенью 1942 года они эвакуировались вместе с садиком в Хакассию (по-моему, теперь пишется с одним «с»). Резкая смена обстановки — полноценная еда, благоприятный климат, близкие Саяны, покрытые весной и летом дивными цветами. «Соединившись» с родными, вернувшимися в 1945 году из Сибири, я нашла и тетю, и сестру бодрыми и здоровыми.

⁹⁵ Пожар в Библиотеке Академии наук 14–15 февраля 1988 г.

⁹⁶ Садовая ул., д. 22/2.

Несколько слов о «товарообмене», где основной драгоценной валютой был хлеб — самой конвертируемой при этом. Кто не держался за вещи и имел сноровку поменять их без обмана, имел шанс выжить. Кто жег свои любимые книги в блокадных печурках, сохранял в себе драгоценные калории. Это же относится к мебели — даже антикварной. Я знавала профессорскую семью, где в живых осталась только младшая дочь (к счастью самого профессора, его не стало еще до войны, перед ее началом).

Вспоминаю этот дом по довольно частым его посещениям (с младшей, оставшейся в живых Кеной, я училась еще в семилетке). Не дом, а сплошной антиквариат — мебель, картины, люстры и даже мраморные бюсты. При встрече в 1946 году Кена, с младенцем на руках, рассказала о смерти сестры и мачехи. Не думаю, что не находилось охотника на это «добро». Скорее пожалела его прижимистая мачеха, не будучи в силах потерять это великолепие.

Блокада 70 лет держит в тисках. Не могу забыть два случая. Врач-ординатор моей палаты долго не могла «спикировать» в самоволку к себе домой, на Театральную площадь. Пришла — никого. Так как телефоны сразу, с началом войны, были у всех граждан отключены, она отправилась к дворничихе, которой в случае эвакуации родственники обещали оставить ключи от квартиры. Анастасия Васильевна и направилась к ней. На стук дворницкую открыла не ее хозяйка, а некое должностное лицо. Милиционер? Там их было несколько. Ординаторшу мою сразу задержали. Пока «лица» уточняли, кто она такая, Анастасия Васильевна ошеломленно разглядывала несметное количество золотых вещей, заполнивших дворницкую. Грабила ли хозяйка умирающих или умерших, «добавляла» ли к наворованному обменами на хлеб: все вместе — трагедия несчастных блокадников. Потрясенная Анастасия Васильевна долго не могла прийти в себя после этого посещения, с «задержанием» к тому же.

Было и у меня чисто блокадное происшествие, которое может оценить только типичный ленинградец тех лет, у которого не было ни «хлебной» должности, ни высокого положения. Моя тетька — служащая — получала 125 блокадных граммов. Обменивать на хлеб абсолютно нечего. Она изредка приходила ко мне. Как-то нам удавалось договариваться о предстоящей встрече. Я готовила ей хлеб — вчерашний, сегодняшний. В один недобрый день она пришла ко мне, вызвала на главный подъезд — Ждановку, 13. Ей удалось меня вызвать довольно быстро.

Я пришла с хлебом. Довольная, собираюсь ей отдать желанное, мечту голодающего. Не тут-то было. Охранник не то сам досмотрел

меня, не то уличил при передаче. Потрясение отбило память. Парень оказался подлецом, вызвал дежурного политрука. Тот накинулся на меня. В чем только не упрекал: что я де украла у ран. больного. Поняв, что это чистый абсурд — каждый сразу «маскировал» пайку в собственном желудке, потом начал уверять, что это подсудное членовредительство, сравнивал меня с «самострелом», и в конце-концов забрал этот злосчастный хлеб, отняв его у двух голодных. Несчастливая тетка поплелась к себе в Гавань, я — додежуривать, не только голодная, но и опозоренная. Ночью «питалась», доставая «лакомство» из баночки с московской горчицей. Сытости никакой, а вот жжение в желудке опасное. Меня мучил вопрос. Что он сделал с отобраным, вернее, украденным хлебом? Сам съел или обменял на что-то?

Не везло мне с политруками: один на губу отправил, другой ограбил, иначе не назову. Нет, двое все-таки было нормальных. Один, который горячо и искренно призывал все силы положить на «елтарь» отечества, за победу. Другой — интеллигентный белобилетник, освобожденный от передовой, режиссер Ленфильма — «дядя Юра Музыкант»⁹⁷, так мы называли его промеж собой.

Мудрый человек. «Братья Васильевы»⁹⁸, у которых он был вторым режиссером на «Чапаеве»⁹⁹, называли его «ребе» — по воспоминаниям «дяди Юры». В пятидесятых он скончался. К сожалению, в эти дни была в отпуске. Потом наши девчонки, хоронившие его, рассказывали, как тепло попрощался «Ленфильм» со своим достойным товарищем.

Невеселые блокадные будни не освобождают память, не дают ей волю. А попытки прорыва кольца вылились в операцию «Искра», которая в середине января 1943 года и привела к этому только прорыву. Снятие полное — только в феврале 1944. Но госпиталь не дождался этого воистину светлого дня, вернее, ночи, когда не только грандиозный салют, впервые проведенный в Ленинграде, но и электрическое его освещение с отменой светомаскировки озарили небо, не знавшее света 900 блокадных ночей. Но увы, в день этого радостного праздника СЭГ-282 (сортировочный эвакогоспиталь 282) обслуживал уже другие фронты, не Ленинградский.

⁹⁷ Музыкант Юрий Александрович (1900–1962) — режиссер, сценарист. С 1925 г. режиссер киностудии Ленинградкино (ныне Ленфильм). В 1931–1935 гг. педагог киномасстерских под руководством И.З. Трауберга и С.А. Герасимова.

⁹⁸ Братья Васильевы — творческий псевдоним советских кинорежиссеров и сценаристов, однофамильцев Георгия Николаевича (1899–1946) и Сергея Дмитриевича (1900–1959) Васильевых.

⁹⁹ Советский художественный фильм 1934 г. Реж. братья Васильевы.

После прорыва блокады, когда зима 43-го стала клониться к весне, начались торопливые сборы к передислокации СЭГ-282 на другие фронты. Пришло время больших освободительных операций, которые требовали мощного медицинского подкрепления. Лихорадочные сборы в Ленинграде. Брали с собой все имущество госпиталя. Свое — только обмундирование и постельный минимум.

Как страшный сон: погрузка в Ленинграде, разгрузка на Ладого, тут же лихорадочная погрузка — как безумные кидали госпитальное имущество на подъезжавшие один за другим грузовики. Замнач госпиталя торопил, дирижируя операцией. Через Ладогу ехала без чувств. Мы проскочили, но какие-то другие проваливались под лед. Для них эта «Дорога жизни» превратилась в последнюю. На переживания за несчастных уже не осталось даже эмоциональных сил. В Кобоне¹⁰⁰ рухнула на барачный пол — спать. А там — опять погрузка, уже на платформы и в вагоны эшелона, который увезет нас воистину в неведомую даль.

А дальше — эшелоны, эшелоны — военное житье. Мы пели свои песни, в соседнем затягивали другие. На остановках — шутки, разговоры, поддразнивания. Если узнавали, что остановка долгая, бежали к паровозу, умоляюще кричали машинисту: дяденька, пустите теплой водички! И «дяденька машинист» пускал теплую зольную воду. Уже не помню, прямо ли направляли бесшабашные головы под струю, или котелки под нее подставляли. Главное, волосы промывались отлично и «шли волнами». Неважно, что часто на морозе леденели. Ехали медленно, с остановками иногда прямо в поле.

Самой неприятно памятной была остановка в Москве. Эшелон остановился в Лефортове¹⁰¹. Разбежались, основная группа отправилась к сердцу Москвы, на Красную площадь к Кремлю. Все очень интересно, даже парадно по сравнению с нашим любимым городом. (Весной 1942-го горожанки даже убрали его, стал он чистым — их последними усилиями. Конечно, до московского блеска вокруг далековато). Смотрим по сторонам, любимся. И вдруг навстречу — высокий военный чин. Мы все вытянулись, поприветствовали его по уставу. А он с беспричинной злобой накинулся на нас: «А, ленинградцы, сразу видно!» Зло кричал что-то. Чем мы ему не угодили! Конечно, нам было далеко до столичного блеска, но он-то должен был

¹⁰⁰ Кобона — деревня Суховского сельского поселения Кировского района Ленинградской области. Расположена на берегу Ладожского озера в устье реки Кобоны (Кобонки), в месте пересечения ее с Ладожским каналом. Конечный пункт «Дороги жизни».

¹⁰¹ Лефортово — железнодорожная станция Московской железной дороги.

ориентироваться в блокадной ситуации. Хотя зачем это ему? Ему в столице было неплохо. Неожиданность инцидента усиливала его неоправданный накал. Раздосадованные и обиженные, мы потеряли интерес к столичным красотам и отправились в Лефортово, в родные теплушки.

Опять ехали мучительно долго. Наконец нас высадили; разгрузили, потом погрузка имущества в какие-то хранилища. Место не для нас — нет площадки достойной нашей махины. Черноземье, село Афанасьев¹⁰², только что освобожденное недавно от фашистов. Сапоги в вязком черноземе дорог тонут, едва вытаскиваем ноги. Ранняя весна. Разворачиваться, по-настоящему, негде. Сплошные дежурства с винтовкой около сараев с госпитальным имуществом.

В какой-то избе расположились штаб и приемный покой, дежурные врачи которого охотно оказывали помощь местным жителям, долго «отключенным» оккупацией от медицины. Наблюдала в приемном покое характерную сцену из медицинского обслуживания прежних лет. Начальник «покоя» — «глазник» Михаил Николаевич¹⁰³. Местная жительница села Афанасьев привела к нему свою малышку. Смущаясь, попросила вылечить больные глазки девочки. Михаил Николаевич охотно выполнил просьбу матери, да еще дал с собой какие-то лекарства. Женщина растроганно благодарила врача и протянула ему единственное свое «богатство» — два свеженьких яйца, «только из-под курицы», пояснила она. Крутой Михаил Николаевич рассвирепел не на шутку. Подношение ни за что не взял, да еще пристыдил мамашу за то, что отнимает у ребенка последнее. Это при том, что сам он был еще истощен — в Ленинграде, перед его отъездом оттуда, у него умирала от дистрофии сестра, и брат старался «урвать» от себя, чтобы поддержать ее хоть немного.

Наконец стали готовиться к передислокации к подлинному месту службы. Опять погрузки... В пути нас высадили из эшелона в поле. Бунинские места! Красотища! Воздух! На этом поле мы провели всю ночь на 26 апреля 1943 года. Разлеглись кое-как. Ночь теплая, светлая. Косяком над нами летели немецкие самолеты. Поле не стали бомбить, но близкие разрывы бомб слышали.

И наконец, прибыли. Пункт назначения — город Липецк на реке Воронеж. Эшелон стоял на запасных путях, а мы уже не лихорадочно, а «со вкусом» долго разгружались. Знать, надолго сюда прибыли.

¹⁰² Афанасьев — село Измалковского района Липецкой области.

¹⁰³ Листов Михаил Николаевич (1899–?) — майор медицинской службы, в армии с июня 1941 г., в 1945 г. старший инспектор-эпидемиолог Управления 14 местного эвакопункта 1-го Белорусского фронта.

Город на двух сторонах реки. Мы — в старом городе, другая часть — в Новолипецке, обязанном своему возникновению крупному заводу¹⁰⁴ (до сих пор он звучит. Во главе его — один из «главных» российских миллиардеров). Старый город очаровал. На холмах — улицы в липах. Наше 8-е отделение во главе с очаровательной молодой начальницей (23–24 года), мобилизованной с последнего курса медицинского института, располагалось в двух уютных особняках, окруженных липами.

Ждем поступления раненых, а тут нависла угроза приема большой группы военнослужащих из боевых частей, но не раненых, а зараженных венерическими заболеваниями. Тяжелое наследие оккупации. Но наше 8-е отделение угроза миновала. Другое отделение принимало инфицированных и из других госпиталей, и из других частей. Во главе его был назначен великолепный специалист и редкий диагност. Одна пищеблоковская шутница, мудрейшая и умнейшая девица Тося сочинила даже «стих», под названием и с рефреном. «И вот опять явился он, бог гонококков Рейхерсон¹⁰⁵». Увы, не только гонококки оставлены в наследство оккупантами, но и возбудители сифилиса. Война страшна не одними бомбами и снарядами, оказывается. Для многих страшный диагноз — сифилис — как гром на голову. Наш чудесник — Рейхерсон диагностировал его у одного боевого, храброго и заслуженного генерала, у которого долго не могли определить причину незаживающей язвы на губе. Наш чудоспециалист сразу назвал страшную болезнь. Больной уже успел заразить и жену. А причина — поцелуй местной женщины в губы. Только поцелуй. И трагедия двоих.

Мы все были в панике от заразы, окружавшей нас, в таком очаровательном, уютном городе. Его даже не бомбили. Шла молва, что сам Геринг отдал распоряжение, вернее приказ о сохранении города, в котором он служил в одной из авиашкол, основанных в Липецке в двадцатых годах XX века немцами. Молву эту подтвердило одно солидное издание. Короче, нам повезло: 8-е отделение осталось хирургическим.

К нам начали поступать раненые с Центрального фронта. Но тяжелая работа по уходу за лежащими ранеными нас не страшила. Зато

¹⁰⁴ Новолипецкий металлургический комбинат — российская металлургическая компания, в состав которой входит третий по величине металлургический комбинат в стране. Строительство было начато в 1931 г.

¹⁰⁵ Рейхерсон Александр Яковлевич (1899–1988) — майор медицинской службы, начальник медицинского отделения СЭГ № 282, по основной специальности — врач кожно-венерологического профиля.

приятным сюрпризом была тишина — отсутствие вечных ленинградских бомбежек и обстрелов. К девушкам вернулась способность любить, шутить и петь. Одна громогласно просила за «пайку хлеба» познакомить ее с хорошим мальчиком, другая — помогала раненым забыть о мучительных болях, вовлекая их в хоровое пение. Музыкальная, с хорошим голосом, она достигла больших успехов в подобной «психотерапии». Появилась и отрада «телесного» характера — подобие простокваши из топленого молока — так называемая квашонка, которая забирала у нас все наше невеликое денежное пособие в пользу местных хозяек. Короче — жизнь превратилась из ночи в сплошной день. Остроумцы даже сочинили здравицу: «Да здравствует Липецк, город любви и квашонки!»

Но — «недолго музыка играла...» Из особняка, где располагалась «наша» половина отделения, приказано было срочно перевести раненых на другую нашу половину и вообще в другие отделения. А на освобожденной базе, в особняке на берегу реки Воронеж, развернуть временный дом отдыха [для] воинской части летчиков-истребителей. Всезнайки сообщали, что фашисты нарекли эту часть «дикой дивизией». Шумные ребята, боевые. Среди них было несколько Героев Советского Союза. Командовал ими отважный генерал, лихач по натуре. На своем истребителе он демонстрировал захватывающие дух «номера» или для своих подчиненных, или для нашей молодой красавицы-начальницы, на которую он, небезответно, «положил глаз». У многих наших «новичков» были недолеченные раны. Днем шли плановые перевязки, сестры выполняли назначения. А вечерами «пациенты», облачившись в «регланы» — сверхмодные и сверхдорогие черные кожаные плащи (мечта каждого рядового летчика) «пикировали» в самоволку. У них был «свой режим». В беседах с нами демократичный и приветливый их генерал намекал: закрывать глаза на нарушения — они заслужили.

В начале июля все мгновенно закончилось. Подъехали автобусы, и наших отдыхающих как ветром сдуло. От начальника госпиталя получили приказ — срочно развернуть отделение для приема раненых. Трудились мы как бешеные. [И все равно начальник «выдал» начальнице нашей... Она, не переставая быть для нас строгой, оставалась молоденькой девушкой. Рыдая у меня на плече, объясняла причину гнева — «минуй нас больше всех печалей и барский гнев, и барская любовь...»¹⁰⁶. В отличие от генерала он тоже «положил глаз», но не так успешно... — фактографическая справка].

¹⁰⁶ Цитата из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума».

А мы успели к приему раненых. Началась Курская дуга...¹⁰⁷ Для обслуживания таких великих битв нас и командировали из не полностью освобожденного Ленинграда, которому еще предстояли серьезные бои за полное освобождение от блокады, ее полное снятие.

Не забыть первое массовое поступление раненых. Дежурю. Температура тридцать девять. Не знаю, от чего. Наверное, «бешено нерв разошелся». При высокой температуре у меня всегда легко выступают слезы. А тут — рыдания: в числе раненых — молоденький мальчишечка с травматической ампутацией обеих голеней. Он заходится в стоне — плаче, я — в рыданиях. А раненых все несут и несут... На госпиталь легло медицинское обеспечение Курской дуги.

Число раненых в госпитале достигло десяти тысяч. Обе стороны реки Воронеж: «Старый» Липецк и Новолипецк превратились в сплошную госпиталь — все одиннадцать отделений заполнены до отказа.

Жаркое лето 1943 года. На доставку раненых из эшелонов и на отделения мобилизованы все возможные и невозможные лица. Вспоминаю старшего терапевта госпиталя военврача 2-го ранга — подполковника Уманского¹⁰⁸, мы называли его Соломон Израилевич, обнаженного по пояс, «впрягшегося в носилки». Лицо, мощный торс — в поту. Он летом «безработный»: нет массовых пневмоний и других заболеваний, спутников холодов.

Помимо раненых, поступали и тяжело обожженные — чаще всего, танкисты подбитых танков. Танковое сражение под Прохоровкой¹⁰⁹, равного по масштабу которому не было в истории. Многие, имевшие процент ожогов, несовместимый с жизнью, погибали. Морг представлял собой «палату» обугленных тел. С меньшими поражениями боролись «до последнего». Искусственной кожи тогда не знали. Пересадки собственной кожи самого обожженного производили. У нас была очень инициативная, к тому же необыкновенно сердечная женщина-физиотерапевт. Она старалась внести какие-то свои методы.

Доставалось и летчикам. И они горели в пораженных самолетах, катапультируясь из них, либо при неудачных приземлениях самолетов. Не забыть красавца-летчика Костю. Заботливая физиотерапевт превратила его койку в стерильную палатку. Он лежал в ней, мак-

¹⁰⁷ Курская битва (5 июля — 23 августа 1943 г.) — крупнейшее сражение Великой Отечественной войны, была решающей в обеспечении коренного перелома в ходе войны.

¹⁰⁸ Предположительно, Уманский Шолом Срулевич (1897–?) — майор медицинской службы, старший терапевт СЭГ № 282.

¹⁰⁹ Самое крупное танковое сражение Великой Отечественной войны, произошло в ходе Курской битвы 12 июля 1943 г. в Белгородской области.

симально свободный от прикосновений, обнаженный. На спинках кровати примостили над ним шатер из стерильной простыни, бока затянули аналогичными. Кварцевали изнутри шатра. Ожоги осложнились сепсисом — по-простому «заражением крови». К сепсису привели инфицированные ожоги. Сепсис — тяжелейшее заболевание, туго поддающееся исцелению. Больной лежит в забвении, лишенный ориентации в чем бы то ни было, его окружающем. Безнадежно лечащая его физиотерапевт пыталась как-то заговаривать с ним. Ничто не выводило этого прежде неотразимого (по всему) юношу из «бессознанки». Все лечебные средства были крайне ограничены — как в виде «таблеток», так и растворов для внутривенных и иных вливаний. Стрептоцид — сульфидин, физиологический — гипертонический и пр. растворы — никаких антибиотиков. В таких условиях Костю спасти не удалось.

Помимо подобных «тотальных», «септических» ожогов, мучили ожоги лица. Чаще всего, не угрожая жизни, они приносили моральные страдания ими пораженным. Они называли себя «жаренными» и тосковали о грядущей жизни людей с изуродованными шрамами и контрактурами лицами.

Несмотря на усталость, вечные физические перегрузки, три наши сестрички обрели здесь в Липецке, в числе раненых, своих послевоенных спутников жизни. Все трое — будущие женихи и мужья — закадычные друзья из одной палаты, челюстные раненые, «ходячие», весельчаки с гитарой. Такая редкость в нашем отделении тяжело-раненых. Три девицы — «перевязочная» Женя, бывшая студентка ЛИСИ¹¹⁰. Настоящая перевязочная, с довоенных времен, классная гипсовальщица Аня. И Тамара — стройная красотка, гимнастка (в госпитале — в ЛФК — лечебная физкультура) — на «гражданке» — Инъяз у Смольного, французский факультет — из тех инъязовок, которые спаслись от гибели, попав в наш госпиталь (те, которые угодили на Суворовский, погибли при жестокой бомбежке осенью 1941 года).

Их суженные: Женин — шустрый болтун Севка. После войны окончит Военный институт физкультуры¹¹¹. У них с Женей вырастет отличная дочь. Она окончит Московский университет, один из его «порядочных» факультетов — не то физический, не то биологический. Ни Жени, ни Севы уже нет.

¹¹⁰ Ленинградский инженерно-строительный институт. В настоящее время Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет.

¹¹¹ Военный институт физической культуры. Ведет свое начало с 1909 г. от Главной гимнастическо-фехтовальной школы, сформированной в Петербурге.

«Настоящая» перевязочная Аня покорила сердце незаурядного, даже талантливого Мишки. Мишка — способный штабист, долго и успешно служил после войны в наших войсках в ГДР — Лейпциг-Дрезден. Аня вспоминала это счастливое время. «На гражданке» Мишке повезло меньше. А вот дочку — Наталию Михайловну — воспитали отличную. Она кончила технический вуз, вкальвает на двух работах. Мишки уже нет. У Ани плохо с ногами. Прежде я навещала ее на всех трех квартирах, сейчас — до последнего — перезванивались¹¹². Внук их Костя окончил ФИНЭК¹¹³, отлично знает английский, побывал и в Англии, и в скандинавских и пр. странах. Работает с переменным успехом. Фирмы — штука не очень надежная — не то, что госчиновничество, «родил» Ане правнука и правнучку.

Москвич «Митька» — москвич «хорошего дома», но после войны, учась в Военной Академии связи¹¹⁴ (в те годы носила имя Буденного) стал временно ленинградцем. Жили с Тамарой на «съемных» квартирах. Была у них на бывшей Французской (ныне им. Кутузова) набережной. Окна на Неву — не самые плохие воспоминания о Питере. Окончив Академию, Митька получил назначение на родину — в Москву. Стал отличным военным электронщиком, заметным в «своих» кругах. Тамара получила в конце войны контузию, осталась инвалидом на всю жизнь: «родили» двух дочерей, имеют внуков. Одна из этого молодого поколения — Машенька, знакома нам, госпитальным, которые долго-долго на День Победы — включая москвичей: Митю, Тамару с их маленькой внучкой Машенькой собирались вместе. Очаровательная Машенька, водруженная дедом Митей на трибуну, благодарила всех за то, что именно в нашем коллективе повстречались ее любимые бабушка и дедушка. И еще говорила добрые слова в адрес всех присутствующих. Увы, Мити больше нет, Тамара не отвечает на наши телефонные звонки в Москву, «данные» дочерей нам неведомы.

Летние липецкие дни быстро закончились в круговерти напряженных «дежурных» будней. В палате у меня оказалось два молодых примечательных парня. Оба москвичи. Один — мой ровесник, другой — на год постарше. Который постарше — Володька, не то зам. комэска, не то сам командир эскадрильи. Оба — Герои Советского

¹¹² Белясова Анна Васильевна после долгих и мучительных болезней ушла из жизни в 2011 г.

¹¹³ Ленинградский финансово-экономический институт им. Н.А. Вознесенского. В настоящее время Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов.

¹¹⁴ Военная академия связи им. С.М. Буденного.

Союза, оба летчики-истребители. Геройство получили за большое количество подбитых вражеских самолетов, оба — ранены тяжело. Володька, комэска, в грудь. Осложнение — нагноившаяся гематома. Второй — Игорь — из интеллигентной московской семьи. От осколка, попавшего в грудь, его защитила звезда Героя — то есть от возможного тяжелого, или того хуже ранения. Но осколок, попавший в бедро, пробил его и сломал кость.

Лежали у нас и другие раненые из их полка. Хвалили этих двух как прирожденных летчиков. Володьку сравнивали с Чкаловым. Его пришлось эвакуировать в Москву, в «грудной» госпиталь — по рекомендации специалистов из нашего тяжелейшего 5-го, тоже «грудного», отделения.

Герои, заслуженные воины, в своих таких молодых годах, оставались, по-существу, еще юнцами. Володька, готовясь к отправке в Москву, получил свое обмундирование, по которому явно соскучился. Молодцевато водрузил чуть набекрень летную фуражку, лихо поприветствовал. «Физиономия» озарилась счастливой детской улыбкой.

Добавлю: летали ребята на американских кобрах. К ним прилагались стеганные на гагачьем пуху шелковые одеяла цвета какао. Их они забрали с собой в госпиталь. Уж и надрожались мы за эту невосомую драгоценность. Как раз на отделении в это время лежали отчаянные парни — десантники. С ними — держи ухо востро!

Мы отвечали за все-все имущество в палате, в том числе за «гагачий пух», такой соблазнительный. Но обошлось...

Знать, лечили мы совсем неплохо, возвращали в строй даже после тяжелых ранений. Вскоре после войны мимолетно, по радио услышала передачу о Военно-Воздушной академии им. Н.Е. Жуковского. Мое внимание остановила фраза: «Вот, впереди такого-то курса? подразделения? шагает (какие-то лестные слова) Герой Советского Союза Игорь...»

Основную массу раненых и обожженных Курской дуги мы довели до стабильного состояния. Начали передачу другим госпиталям.

Поздней осенью — очередная погрузка, эшелон и — в неведомую даль... Зимой прибыли в неприветливый и мрачный городок где-то на Брянщине. Недавно только его освободили от фашистов. На первый случай нас распихали по ближайшим избам. Народ нищий, хмурый. Но меня, замученную дорогой, очередной разгрузкой, замерзшую до костей, временные хозяева уложили на горячую лежанку русской печки. Мгновенно заснула. Проснулась — согревшаяся, но с ожогом в области подвздошной кости. Оказывается, с такой печкой шутить не следует.

Мало радостным было пребывание в этих местах: сильные морозы, не слишком приспособленные помещения бывшего учебного заведения. Центральное отопление не действует. Отапливаемся с помощью больших железных бочек — таких, как в блокадном Ленинграде.

Главное — тяжелейшие раненые, высокая смертность. Всем ранениям сопутствуют обморожения. Не забыть раненого, процент гемоглобина у которого равнялся 10% (тогда точкой отсчета были 100%).

Старались «держать марку». Регулярно брали все нужные анализы. У нас была потрясающая начальница лаборатории Евгения Адольфовна. Строгая, без всяких скидок на условия. Лаборатория — на уровне хорошей клиники. Елена Адольфовна — не только строжайший командир, но и отличный учитель-наставник. Самым чутким «уловителем» состояния и его динамики у раненого был сложный общий клинический анализ крови (гемоглобин, РОЭ¹¹⁵ (не знаю, как сейчас называется)). Но главное, что определяло состояние наших раненых, которые все были на грани сепсиса (по-простому, заражения крови) была формула белой крови. В готовом анализе сразу «кидались» на эту формулу «белой крови». Сдвиг влево — в сторону, так называемых, палочкоядерных, их большое количество указывало на «септическое» неблагополучие. Помню очаровательного мальчика (даже не юношу, по виду). Его оживленный лепет предполагал благополучие в состоянии. Вслушиваешься — полный абсурд. Ему кажется, что в данный момент лето, он дома, на речке. Мама «кличет» его обедать... Пишу, а личико его у меня перед глазами, а вот имя его забыла. Колоссальную роль результатов анализов в диагностике подтверждал порядок их назначения всем вновь поступающим в госпиталь раненым.

Опираясь на это жестокое правило, я, без назначения врача (обход которого бывал днем, а раненый прибыл вечером) послала заявку, не дожидаясь врачебного назначения. Лаборатория, как всегда, на высоте. Лаборант рано утром взял кровь. И в этот же день раненый умирает. От чего, почему? Назначение врача уже есть, но в истории болезни «бумажки» с результатом анализа — нет. На отделении — нигде найти не могут. Назревает скандал страшный. Меня «выдергивают» из дома, после «суток». Трибунал? Но я прекрасно помню, что без врача, сама «назначила» на анализ. Бегу в лабораторию. Чудо Евге-

¹¹⁵ Реакция оседания эритроцитов. В настоящее время называется СОЭ — скорость оседания эритроцитов.

ния Адольфовна, как всегда, на высоте. Все копии неизменно сохранялись в журнале лаборатории на случай утраты оригинала с результатами анализа. А тут именно, как всегда, абсолютно не к месту, она (утрата) и произошла.

С ужасом вспоминаю дни в этом брянском городке, где нам довелось принимать — вал настоящий — раненых при тяжелой для наших войск зимней кампании.

В это время после Липецка сократили количество отделений. Работать пришлось не на 8-ом, как в Липецке, а на 3-м отделении. Начальник — строгий-престрогий Михаил Александрович. Он беспрекословно требовал, чтобы мы на каждое дежурство приходили в чистом халате. Помню его распоряжение: нет мыла (его действительно катастрофически не хватало) — стирайте золой [?] и т. д. Это действительно было проблемой. У каждой — один халат. После дежурства, ваясь с ног, надо было исхитриться и постирать, иначе завтра утром (дежурили, как всегда, через сутки — сутки) идти в мокром — не успеет высохнуть. А условия дикие — на квартирах у местных жителей. Недобрым словом вспоминали эту зиму, которая чем-то блокадную напоминала.

Весной 1944 г. — передислокация в Белоруссию. 1-й Белорусский фронт. Располагаемся в местечке Ново-Белица¹¹⁶. Хорошие каменные корпуса, на берегу.

На той стороне — Гомель. Мост туда восстановлен. Города Гомеля практически нет — весь разрушен. Уцелел только стоящий в прибрежном парке дворец царского наместника этих мест Паскевича¹¹⁷. Вероятно, немцы его не покидали до последнего мгновения пребывания там и не успели взорвать.

Тут повеселее, чем на Брянщине. Весна. Работы полно, раненых много, но все «путем».

Переутомление снимаем купанием после дежурства (река — рядом), а потом уже ложимся и в состоянии заснуть. Молодцы, вывели себя от перегрузок. Короткое летнее пребывание здесь отмечено не только тяжелыми дежурствами и большим наплывом раненых,

¹¹⁶ Новая Белица — уездный город, в 1854 г. в качестве предместья присоединен к городу Гомелю. В 1940 г. образован Новобелицкий район Гомеля. Расположен на левом берегу реки Сож.

¹¹⁷ Паскевич Иван Федорович (1782–1856) — русский полководец, сослуживец Николая I (в 1817–1819 гг.) и одно из его доверенных лиц. Главнокомандующий на Кавказе (1827–1829), наместник Царства Польского (1832–1856). Выкупил у Румянцевых и заново обустроил дворцово-парковую резиденцию в Гомеле. Новая Белица входила в состав его владений. Пострадавший во время Великой Отечественной войны дворец был восстановлен, после победы в нем разместились музей и Дворец пионеров.

но и ЧП. Однажды вечером, переходящим в ночь, началась бомбежка, очень сильная. Грохот стоял страшный. Закрыли окна одеялами от разлетающихся осколков. Но никто не пострадал, несмотря на сильный налет. Потом уточняли: бомбили замаскированные в подземных хранилищах склады боеприпасов. Немецкие? — скорее всего. Кто бомбил? — наверное, немцы, чтобы их боеприпасы не достались советским войскам? Все — военная тайна; хорошо, от этих многочисленных взрывов никто не пострадал, словно шла прицельная стрельба только по складам со снарядами.

В конце лета — начале осени двинулись «вперед, на Запад». Прибыли под Брест. Заняли не слишком удобные для размещения тесные корпуса бывшего польского юнкерского училища. Жили тут же. При отделениях были маленькие комнатки, рядом с палатами. Размещались по-двое. До нас здесь был немецкий госпиталь. Многие палаты «украшали» хороводы фигур порнографического характера — плод досуга немецких раненых. Не успеваем их забелить — очень много другой уборки (грязь дикая) и необходимой работы по размещению нашего госпитального имущества.

Торопимся, вот-вот нагрянет транспорт с ранеными. На нашу территорию ведет ветка железной дороги. Видно, как, извиваясь на поворотах, приближается сантранспорт. А вот и он. Уже несут. Начальник приказал мне, по возможности, распределять раненых в палатах по характеру и локализации ранений. Поступающие все тяжелые, лежачие. Многие ранены в бедро с повреждением костей.

Начинаются рабочие будни. Рентген — единственный аппарат в госпитале — очень далеко от нашего отделения. Пробуем раненых возить на носилках, установленных на тележку. На каменистой дорожке трясет, раненые мучительно стонут — страшные боли. Снимаем носилки, тащим из последних сил — так спокойнее, не трясет.

Приносят местного мальчонку с раздробленной ногой: напоролся на мину, оставшуюся после недавних боев. Приходится срочно ампутировать. Очнувшись после наркоза, малыш надсадно кричит: «Пошто мни ножку отризалы?»

Поступает раненый с признаками гемофилии. Старший хирург, в то время это был Владимир Михайлович Воскресенский¹¹⁸, срочно собирает весь коллектив наших врачей. Брошен клич: кому какие средства против этой страшной болезни известны? Достают свежую

¹¹⁸ Воскресенский Владимир Михайлович (1902–1951) — хирург, доктор медицинских наук (1942). В течение всей Великой Отечественной войны служил в действующей армии. Закончил войну главным хирургом Группы советских оккупационных войск в Германии. С 1948 по 1949 г. заведовал кафедрой хирургии Томского медицинского института.

животную печень и прикладывают к ране. Как будто, стало крови меньше... Поздним вечером на моем дежурстве у молодого парня начинается дикий приступ болей в боку (не на месте ранения, в другом). Он — весь серый, тощий, измученный. Дежурный хирург занят на срочной операции. Мчусь домой к старшему хирургу, такому на вид недоступному и барственному. Он моментально приходит, сразу ставит диагноз: острый панкреатит — сопутствующее заболевание. Парень становится «специальным пациентом» своего спасителя: Владимир Михайлович еще до войны занимался проблемами тяжелого недуга, который причинил столько страданий раненому из «моей» палаты, бывшему беспризорнику.

Потом напасть другого рода: в отделение поступает дар северян: энное количество меховых одеял, составленных из кусочков дорогих мехов. За них — сражение, скандалы — кому достанется. Если снимешь с одной койки, передашь заочневшему — скандал: «потерпевший» не хочет расставаться с меховой роскошью и переходить под «общедоступное» покрытие.

А нам, сестрам, непосильная ноша ответственности: каждое одеяло оценено гомерически: в двенадцать тысяч рублей, за каждое сестра несет материальную ответственность. Как расплатиться в случае пропажи? Каждый прием-сдачу дежурств их пересчитывала.

На фоне наших не очень веселых будней встречались все-таки и праздники. Изучая карту передового района¹¹⁹ очередного раненого, начальница отделения (та, которая командовала нашим отделением в Липецке), в подписи начальника медсанбата, который подписал эту карту передового района, узнала руку своего родного брата Владимира. Тут, в промежутке между большими компаниями, на базе нашего госпиталя созвали съезд хирургов. И «Володька» прибыл на него. То-то было радости! «Володька» оказался похожим на настоящего киногероя. Конечно, «положил глаз» — слегка и деликатно — на одну из наших красоток-недотрог, приятельницу мою, певицу Галину.

И тут же прошло совещание медсестер. Я подготовила доклад об уходе за септическими больными, с которыми судьба меня часто сводила: ведь многих из них инфицированная рана приводила к сепсису. А был страшный случай, когда в потертость стопы (от неправильно закрученной портянки) попал гемолитический стрептококк,

¹¹⁹ На основании приказа Народного комиссариата обороны № 206 1941 г. с целью упорядочения эвакуации раненых и больных всем раненым должны были выдаваться медицинские карточки передового района, подтверждающие факт ранения или болезни.

разрушивший кровь больного. Он «сочился» ею, лежал в простынях, пропитанных подобием розовой воды — не успевали менять эти «обертки». И такая ерунда, как «потертость», не ранение, привела к гибели.

А вскоре после паузы, которую заполнили съезд хирургов и совещание медсестер, которым руководил старший хирург Воскресенский, «накатила» новая волна поступлений раненых. «Покатались» санпоезда, которые тянулись к нашему, бывшему польскому, военному городку. Началось сражение за Варшаву¹²⁰. Это — драматический момент в истории войны. Сражению предшествовало Варшавское восстание¹²¹. Какое-то время войска наши еще стояли на другой стороне Вислы, в предместье Варшавы — Праге.

Опять аврал, опять «валились» с ног. А потом — последний аккорд. Передав свой «брестский лагерь» другому госпиталю, погрузились в эшелон и опять — «вперед, на Запад». Весной 1945 г. разгрузились в «Русском Манчестере» — городе текстильщиков Лодзи.

Сначала нам отвели первоклассное помещение госпиталя, который построили немцы. Мы его вымыли, толком не успели расположиться, как хозяйева-поляки попросили нас его освободить. На окраине предложили целый ансамбль зданий. Нам досталось довольно удачное, расположенное в парке, рядом с бывшим увеселительным заведением, в котором разместился наш клуб. Был и стадион рядом. Жили мы в соседних жилых домах. Часто приходилось покидать квартиры, в которые возвращались их владельцы. Последнее жилье — неказистый, угрюмый, низкий первый этаж в простецком доме, который заселен был простым людом. Иногда приходилось оставаться ночевать на отделении, если там задерживался. По ночам ходить по городу в одиночку было страшновато.

Мы приняли госпиталь у предыдущего, со всеми его ранеными. Жуткое было состояние, когда наши «братья, вернее, сестры по оружию», выдергивали из под раненых «свое» имущество, а мы срочно подстилали под них «свое». Конец войны уже чувствовался.

У многих начался некий «расслабон», совершенно еще несвоевременный. Раненые — и «старые» от предыдущего «хозяина», и новые; раненые тяжелые.

¹²⁰ Варшава была освобождена 17 января 1945 г. советскими войсками в результате Висло-Одерской операции.

¹²¹ Антинацистское восстание в Варшаве 1 августа — 2 октября 1944 г., организованное командованием Армии Крайовой и представительством польского правительства в изгнании, было жестоко подавлено германскими войсками.

Наше 8-е отделение специализировалось на лечении голеней, часто встречались и раненые в бедро. Их клали на вытяжение: к вытягиваемой ноге подвешивали груз. Над нами — 3-е отделение, где лежали сплошь раненые в бедро. Часть 3-го отделения была занята койками с очень тяжелыми ранеными, пораженными анаэробной инфекцией.

Мы, сестры-соседки, тесно общались, обменивались горестями и радостями. В срочных случаях были донорами их раненых, они — наших.

В Лодзи нам почти не приходилось «впрягаться» в носилки. Появились нежданно-негаданно помощники — интернированные итальянцы. Среди них были и южане-неаполитанцы, и северяне — из Ломбардии. Это совершенно разные люди. Первые — низкорослые, живые, как ртуть, с шейными косынками цветов национального флага запомнились своим пением, игрой на аккордеоне. Не знаю, работали они у нас санитарями, нет ли — не помню. А вот северяне... Высокосрослые красавцы, часто блондины, держались с большим достоинством, помогали первоклассно, даже в перевязочной. И те, и другие с нетерпением ожидали близкой отправки на Родину (осенью 1945 г. дождались). Использовали мы их и в самодеятельности. У них был небольшой оркестрик во главе с аккордеонистом. Впервые попросили их морально помочь нам, пока мы принимали госпиталь, совмещая прием раненых со сменой подушек, одеял и пр. и пр. Пока мы с этим копошились, наши иноземные помощники сопровождали наши «действия» лихой музыкой и пением. И позже устраивали концерты в палатах с лежачими больными и в клубе — для всех.

Специфический состав раненых — поражение нижних конечностей. Нередки были случаи ампутаций. Вечерами перед этими тяжелыми испытаниями не только физическими, но и морально-психологическими старались проводить индивидуальные беседы, успокаивали, ободряли, беседовали о специальностях, которые, лишившись конечностей, они смогут получить. Помню отчаянного красавца из Нижнего Новгорода, который после заживления ампутированного бедра, пытался танцевать танго с девушкой, помогая себе костылем.

В Лодзи мы встретили День Победы — 9 мая 1945 года. День, которого ждали, о котором мечтали с первого дня начала войны и до ее последнего — четыре года без полутора месяцев.

Уже 8 мая вечером началась пальба. Палили поляки. Кто-то из госпитальных сообщил, что местные таким способом отмечают долгожданное окончание всех военных действий, что германское командование капитулировало.

Официальные сообщения ни от военных, ни от гражданских наших руководителей на день 8 мая — сообщения, такие желанные — не поступали. И, наконец, ликование началось 9 мая. Наша начальница, строгая, но уважаемая и любимая всеми — и врачами, и сестрами, собрала всех не дежурящих у себя, чтобы отметить светлый День, которого ждали и о котором мечтали.

А служебные будни продолжались. Активно работала самостоятельность. Привлекали и выздоравливающих раненых, среди которых часто встречались и бывшие артисты, и бывшие любители. Выезжали даже на предприятия. Вспоминаю наш концерт на текстильной фабрике. Полный зал, горячие аплодисменты. Участвовала и я. Смешно, но с мелодекламацией — то под баян, то под аккордеон. Это был «Мишка-одессит»¹²², с современным, приближенным к нашим условиям текстом.

Написала его одна из сотрудниц («штабных») госпиталя. В прошлом художница, родившаяся в Одессе, помнившая мальчиков Катаевых¹²³. Была она замужем за сыном композитора А.К. Лядова¹²⁴. Миха¹²⁵, как Ольга Ивановна¹²⁶ называла супруга, мечтал стать художником. Но отец настоял на приобретении «настоящей» профессии. И Миха стал юристом. Но «бывшего» нигде не принимали — по классовым соображениям. И он вынужден был работать чернорабочим. Из эстетических побуждений выбрал завод на Выборгской стороне, откуда открывались: великолепная панорама Петроградской стороны, зеленый массив Ботанического сада, далекий шпиль Петропавловского собора, минареты мечети. И домой, в зеленые (тогда) переулки, пересекающие Большой проспект Петроградской стороны, Миха шел пешком, выбирая наиболее поэтические маршруты. По возрасту не попал на фронт, продолжал, пока мог, трудиться на заводе. Попав в стационар для дистрофиков, рисовал,

¹²² Популярная песня в исполнении Л.О. Утесова (слова В.А. Дыховичного, муз. М.Е. Табачникова).

¹²³ Катаев Евгений Петрович (псевдоним Евгений Петров) (1903–1942) — один из участников дуэта И. Ильф и Е. Петров. Младший брат прозаика Валентина Петровича Катаева (1897–1986). Взял псевдоним, чтобы избежать путаницы. В Одессе Катаевы жили на Канатной улице.

¹²⁴ Лядов Анатолий Константинович (1855–1914) — русский композитор, дирижер.

¹²⁵ Лядов Михаил Анатольевич (1887–1942) — художник-любитель, живописец и график, сын композитора А.К. Лядова. Погиб при эвакуации из блокадного Ленинграда. Работы его хранятся в Музее истории Санкт-Петербурга, в музее Петербургской консерватории, в музее при Новгородском музыкальном училище им. С.В. Рахманинова, в Бороновском краеведческом музее.

¹²⁶ Пригоровская Ольга Ивановна (1903–1987) — жена М.А. Лядова, училась на живописном отделении Академии художеств.

вел дневник, где радостно записал: «Понял!» — понял Ван Гога. Вот и такие бывали дистрофики, может быть, уже полубезумные, но продолжающие быть интеллигентами, любителями и знатоками искусства. Мы дружили с Ольгой Ивановной, несмотря на большую разницу в возрасте, с ней было интересно. В довоенные времена она встречалась со многими интересными людьми, окружена была художественными натурами.

А конец Михи был предсказуем. Ольга Ивановна провожала его в эвакуацию. Он, почему-то в ее красном беретике, напоследок махнул ей рукой... И все. Больше она его не видела. Рисунки, дневники — все связанное с судьбой сына большого русского композитора она передала в Ленинградскую консерваторию. Об этой передаче писала и «Ленинградская правда»¹²⁷. После войны я бывала у Ольги Ивановны на Крестовском острове. И здесь у нее бывали интересные друзья — пожилая театральная дама, наша госпитальная знаменитость — Екатерина Петровна Семенова.

Екатерина Петровна — блестящий прирожденный хирург — в буденовском шлеме, во всех авральных «случаях» она — первый вожак. Первой в качестве патологоанатома, она производила вскрытия в Албании. Да-да — в те времена, когда у СССР были нормальные отношения с этой загадочной страной. Среди первых (может быть, и последних) она была туда командирована для работы и передачи своего богатого опыта. Некоторое время Екатерина Петровна была ректором Педиатрического института. Но не слишком-то угодила она своей «крутизной» «тамошнему» большинству. Когда надо, она умела быть непреклонной.

Помню, мы были с ней попутчиками, после одного из празднований Дня Победы (увы, никогда не фиксировала никаких дат, даже очень памятных). Проходил он в маленьком уютном ресторанчике на Садовой, около кинотеатра «Молодежный»¹²⁸. Это был один из первых наших Дней, ставших потом ежегодными. Мы все были молоды, веселы, были практически в полном составе. Молод, радушен и по-свойски «нашенским» был молодой обаятельный директор ресторана, из бывших наших ран-больных. Как давно и как недавно — близко по ощущениям — это было. Так вот, в беседе во время этого пути домой Екатерина Петровна откровенно ответила на мой вопрос об институтской судьбе одной из наших сестричек.

¹²⁷ Григорьева А.П. Ценный дар: (об акварелях М.А. Лядова в собрании музея Ленинградской консерватории) // Ленингр. правда. 1985. 27 июля.

¹²⁸ Садовая ул., д. 12.

Грета уже рассказывала мне о том, что ее исключили из Педиатрического института за академическую задолженность и пр. Вопрос к Екатерине Петровне был прямым: «Неужели она, ректор, не могла противостоять исключению или хотя бы восстановлению способствовать?». Екатерина Петровна мне прямо и ответила: «Она взрослый человек, сама должна решать свою судьбу, сама не допускать ошибок, сама, без посторонней помощи их исправлять». А ведь они были друзьями — и работая в госпитале на одном образцовом отделении, и в послевоенное время. К чести Греты служит ее поступление в другой институт, не медицинский, его успешное завершение и толковая работа по вновь полученной в этом институте специальности.

При такой «медицинской» целеустремленности, преданности своей ответственной и жестокой специальности, верности ей, Екатерина Петровна одновременно имела и художественно-элегические увлечения: она занималась на курсах флористов и создавала картины, портреты, исходными материалами для которых были растения. Ее подруга художница Ольга Ивановна Пригоровская выступала при этом в роли и критика, и консультанта. Сердце Екатерины Петровны не выдержало перегрузок, и она рано ушла из жизни. Когда мы прощались с Екатериной Петровной в крематории, я душевно переживала: неужели из Педиатрического, где она какое-то время служила ректором, никто не выступит? Мои опасения были напрасными. Выступили. Особенно запомнился один, еще в военной форме, который произнес прочувствованное, благодарное и хвалебное надгробное слово в память незаурядной женщины.

Возвращаясь к истокам. Госпитальная жизнь катилась хоть и по «безвоенным», но накатанным рельсам. Откомандировали в Берлин нашего великолепного старшего хирурга Владимира Михайловича Воскресенского. Его пребывание в госпитале СЭГ-282 отмечено не только его заслугами в роли учителя-наставника вчерашних студентов и студентов медицинских институтов, но и личными творческими успехами в роли активно оперирующего хирурга. В условиях военных нехваток всего и вся — оборудования, инструментария, медикаментозного снабжения — он провел рискованную операцию на раненом сердце молодого солдата. Удалив поразивший сердце осколок, хирург добился индивидуального сестринского поста (это при катастрофической нехватке среднего медперсонала во время постоянных массовых наплывов раненых, как было в период этой уникальной в условиях войны операции на сердце).

Прислали, конечно, нового старшего хирурга. Квалифицированный, конечно, но — не то, начиная с внешнего вида. Тот — Владимир

Михайлович — импозантный, даже аристократичный, хорошего роста, интеллигент-мыслитель, не только «рукоприкладчик» к хирургических дел мастерству. Этот, присланный взамен, Спиридон Дмитриевич — коротышка — мастеровой. Да, мастер, но масштаб не тот.

Продолжение войны и ее завершение на Дальнем Востоке нас уже не коснулось. Отметим мы это событие парадом и выступлениями на соседнем с нами стадионе, который фактически нам принадлежал. Было это сразу после 2-го сентября 1945 г. — Победы на Дальнем Востоке.

Еще одно событие в области высокого искусства произошло ранней осенью 1945 г., на базе СЭГ-282. В отдельно стоящем бывшем увеселительном заведении пела звезда 1-й величины Эва Бандровска-Турска¹²⁹. А при немцах она замолчала — голос ее не звучал. Этот поступок — подвиг польской патриотки — нашел иносказание в известном романе Ярослава Ивашкевича «Хвала и слава».

Конечно, не только СЭГ-282 ее слушал. Собралось много любителей и знатоков из ближних и дальних воинских частей. Мельком увидела соседа моих ранних школьных, а его — юношеских лет. Старший брат моей юной подруги из большой семьи, во главе которой стоял маститый инженер-электрик «из бывших». Лерик — так его называли в детстве — теперь в хороших чинах и больших орденах, представитель не только инженерской, но и музыкальной семьи (в доме была арфа, игре на которой обучалась Светлана, впоследствии солистка Большого театра). Глазами мы с Лериком признали друг друга, но не заговорили... А было бы интересно поближе узнать о его военной судьбе — по виду успешной... Эва пела бесконечно много и охотно, даже «Лунный вальс» из к/ф «Цирк»¹³⁰. Странно было видеть ее после концерта со скромным мужчиной со скрипкой (вероятно, супруг). По воспоминаниям старших, несравненную Эву после концертов в Ленинградской филармонии на руках доносили к «Европейской» гостинице, где она останавливалась. А мы тоже выражали свою признательность и благодарность певице букетами цветов, прекрасных в ту первую послевоенную осень.

Более демократичными «культурными программами» в этом промышленном городе были посещения кинотеатров. Смотрели и польские ленты, с их вечным надрывом, смотрели и наши. Запомнился

¹²⁹ Бандровска-Турска (Bandrowska-Turska) Эва (1899–1979) — польская певица (лирико-колоратурное сопрано).

¹³⁰ «Цирк» — музыкальный художественный фильм (1936), режиссер Г.В. Александров, композитор И.О. Дунаевский. «Лунный вальс» (муз. И.О. Дунаевский, слова В.И. Лебедева-Кумача).

фильм «В шесть часов вечера после войны»¹³¹. Добежали до центра — билетов нет. И тут к нам подходит соотечественник, явный «войсковый», но в гражданском. Узнает в нас таких же, несмотря на маскарад (увы, свои нас всегда узнавали, даже в прелестных цветастых платьицах, прикупленных на местном рынке, кажется, назывался он «Зеленым» («Zeleny»)). Он, наш спаситель, очень элегантно вручил нам билеты (друзья не смогли прибыть). Конечно, наши «zloty» остались при нас, отвергнутые благодетелем. А обратно — быстрым маршем из центра на нашу окраину — к отбою.

Почему-то это время запомнилось активной сдачей крови. Брали у нас сразу по пол-литра, сразу отпаивая соответствующей дозой жидкости. Плотнешь и за дело дальше.

Помню, как строго у нас было со всякого рода наркотическими веществами. Умная молодая Ольга Ивановна (тезка художницы) и умудренная опытом Любовь Михайловна — невропатологи — предупреждали нас о возможных пагубных последствиях привыкания к ним. И пример вскоре наблюдали поучительный. Перевели к нам из другого госпиталя неотразимого москвича, акробата из цирка на «гражданке». Молва мгновенно облетела любопытных сестричек. И вот, он просит «уколоть» его от боли на ночь, когда эти боли усиливаются. Назначения врача в истории болезни нет, дежурный врач тоже запрещает «колоть». Прибывший безрезультатно умоляет. И все заканчивается страшной ломкой. Действительно, он корчится, на губах пена. Паника. Хорошо, на соседнем отделении была опытная пожилая сестра, знакомая с подобными «явлениями» и умеющая их снимать.

Сестер, бывших студенток вузов, стали собирать на демобилизацию. Дошла очередь и до меня. Поздней осенью с группой мне подобных стали отправлять в запасной полк. У нашего 2-го Белорусского фронта это был город Лигниц¹³² в Восточной Пруссии. По пути повстречался разрушенный Данциг, ныне это хорошо восстановленный поляками Гданьск. Запасной полк — местечко небезопасное. Хорошо, что перед нашим прибытием там побывал с инспекцией командующий 2-м Белорусским фронтом, позже — Северной группой оккупационных войск, маршал Советского Союза Константин Рокоссовский¹³³. До наступления командовал 1-ым Белорусским и наш

¹³¹ «В шесть часов вечера после войны» — музыкальный художественный фильм (1944), режиссер И.А. Пырьев, композитор Т.Н. Хренников.

¹³² Немецкое название города Легница в Южной Польше.

¹³³ Рокоссовский Константин Константинович (1896—1968) — советский военачальник, Маршал Советского Союза (1944), маршал Польши (05.11.1949). Командовал Парадом Победы на Красной площади 24 июня 1945 г.

СЭГ-282 к нему не относился. Именно 1-й Белорусский должен был вести бои за Берлин и взять его любой ценой. Любой ценой — это маршал Г.К. Жуков. Г.К. Жуков взял. Жуков из «главных», кто в Берлине поставил точку — окончание войны.

А белорусы не забыли тех, кто служил на Белорусских фронтах Великой Отечественной войны. К шестидесятилетию (1944—2004) освобождения Белоруссии и меня наградили медалью «60 лет вызволения Рэспублікі Беларусь ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў». В удостоверении написано: «От имени Президента Республики Беларусь вручена... 2005 г. [Подпись]: Военком Петроградского района г. С.-Петербурга полковник В. Земсков». Медаль торжественно вручалась в великолепном Белом зале Горчаковского особняка¹³⁴, где ныне Администрация Петроградского района Санкт-Петербурга. Между строк: в перестроечные годы после закрытия ВПК¹³⁵, моя племянница трудилась в этой администрации и принимала потомков (по-моему, из Швейцарии) канцлера А. Горчакова¹³⁶, лицейского друга А.С. Пушкина. Потомки канцлера были удовлетворены состоянием и ухоженностью бывших владений сына¹³⁷ сановного отца.

Константин Рокоссовский, любимец тех, которыми ему довелось командовать, навел-таки порядок среди многих тысяч (примерно 18 тысяч) бывших на войне под его началом, которых он всячески старался, насколько это возможно на войне, уберечь. Уберечь людей от нерасчетливых «киданий» их на прямую смерть, во имя быстрого достижения поставленной задачи.

Конечно, нелегкое это дело — перевести в норму людей, фактически вышедших из-под налаженного уставного порядка в частях. Они — живые после страшной войны, они — на пути домой, все (казалось каждому тогда) — впереди. И вот мы, кучка девчонок, среди этой массы «вольницы». Поместили нас в большой казарме, где нары в два яруса. Я, как маленькая — «легонькая», на верхних нарах. Нас посетило начальство, не из самых высоких, точнее, не разглядела, что там на погонах. Ведет душевную беседу с армейским душком, вызывает на разговор. Я что-то кидаю, мне помнится, из В.В. Маяковского. Он встрепенулся, обернулся в мою сторону и

¹³⁴ Большая Монетная ул., д. 17, 19.

¹³⁵ Военно-промышленный комплекс.

¹³⁶ Горчаков Александр Михайлович (1798—1883) — видный российский дипломат и государственный деятель, канцлер Российской империи, кавалер ордена Святого апостола Андрея Первозванного.

¹³⁷ Горчаков Константин Александрович (1841—1926) — светлейший князь, шталмейстер Двора Его Императорского Величества.

приказал: «А ну-ка, старшинка с верхних нар (ко мне). Сегодня к 18 часам в штаб полы мыть». — «Есть — к 18-ти полы мыть!» — отвечаю. Тут еще военные законы проступают. Ушел. Начинаю готовиться выполнять приказание — сползаю вниз. Сразу ко мне бросается девчонка — не то ефрейтор, не то младший сержант: «Товарищ старшина, разрешите обратиться! Я пойду». Во как было поставлено: подобное «почетное» приказание старший по званию не имеет право выполнять при наличии младшего. Точнее, младший *обязан* за старшего выполнить этот наряд. Она ни за что не послушала моих доводов недопущения подобной замены, ни в какую. Теперь я размышляю — может быть, она хотела там, в штабе, целенаправленно действуя, себе, одинокой и бездомной, найти спутника жизни (сколько таких одиноких осталось после войны). Так она и отправилась выполнять за меня наряд.

Ждали пока сформируется необходимая «людская масса» для эшелона в направлении Ленинграда. Декабрь 1945 г. к концу, а на дворе теплая осень. У нас была хорошая команда питерских девчонок. Гуляли по ближним окрестностям. Наблюдала картинку: пожилой солдат от души кормит жирными консервами голодную желтушную немецкую девочку. Желтуха — болезнь Боткина, жир для печени — это яд. Ни солдат, ни голодный немецкий ребенок об этом не ведают.

Наконец к концу декабря команда: эшелон на Ленинград. Ехали не «зеленой» улицей. На одной из остановок пыталась выяснить у польского машиниста, долго ли будем стоять. Ничего вразумительного в ответ не получила, только попросила «выпустить» из паровоза теплой водички в мой котелок. Отправилась к ближайшим развалинам «опрокинуть» себе на голову это зольную радость. И вдруг — свисток! Эшелон начинает лязгать колесами. Ужас! В этих краях орудуют банды. Как, куда я денусь? Вещи и документы в эшелоне. В теплушках «ворота» распахнуты, всюду руки тянущихся ко мне. Неудачно. И только на последней открытой тормозной площадке последнего вагона уже быстро движущегося состава меня подхватывают руки таких же опоздавших, но успевших все-таки зацепиться за последнюю соломинку. Долго наша команда неудачников дрогла на ветру (я ведь выскочила в одной гимнастерке). Наконец, первая остановка, разбежались по своим теплушкам. Девчонки напереживались за меня — жертву чистоты. Верите, до сих пор меня охватывает ужас: остаться без ничего в полудиких местах после ушедшего и уходящего отсюда немецко-прусского населения, в местах, которые по условиям мирного договора отходили от Германии к Польше. Естественно, обстановка здесь была крайне напряженной. Взаимоотношения

между старыми хозяевами — немцами, и новыми — поляками, была откровенно враждебной. Катастрофа. Чудом я ее избежала.

Чем ближе к родной земле, тем холоднее. Новый год. Переезжаем границу. Только информация по теплушкам, а так — «wszystko jedno!»: избы и снег и «за границей», и в России одинаковые. И девчонки хорошие, и остальные теплушечные соседи подобралась на славу.

Наконец, Родной Любимый Город! Как я добиралась до Московского или каких-то там запасных частей вокзала даже не помню. Нам выдали тяжеловесные памятные подарки (не то в госпитале, не то в запасном полку): какой-то «жутковесный» кусок белого искусственного шелка и еще что-то подобное. Может быть, какие-то консервы? А в запасном выдали талоны продовольственные. А их надо было отоваривать по месту окончательной демобилизации — на Фонтанке, 90. Адрес помню, а название конторы — нет. Помню еще, что лихой капитан «демобилизатор» облапошил меня на несколько талонов, заявив, что они недействительные. Почему? В общем блоке? Теперь бы вступилась за правду. А тогда, дурочка, обрадовалась тому, что выдали.

А тут грянули дикие морозы. Бегу в легких сапожонках, шинельке, «построенной» уже в конце службы, в беретике. И вдруг в чистом поле на открытой площади у дворца культуры им. С.М. Кирова¹³⁸, слышу внутри своих ушей хруст — лопались сосуды, что-ли? Уши раздуло, они покрылись болячками. Долго ходила замотанная бинтами и теплым платком.

На работу поступила в систему, где трудилась моя родственница — опекунша тетя Маша, в бюро инвентаризации Свердловского райсовета¹³⁹. Это часть Васильевского острова от какой-то линии в сторону Гавани. Тоскливый и унылый район. Все, что вне зоны Большого проспекта и ближайших к нему домов на линиях — и то не далее, с натяжкой 21-й и 22-й, и, аналогично, в отношении Среднего проспекта в первые послевоенные годы — глушь, жалкая провинция. И работа под стать. Замеряли участки, посещали по вызовам жильцов для контрольного замера их площади. Строгости доходили с точностью до квадратного сантиметра. Кому надо, чтобы было больше — чтобы прописать близких, кому меньше — чтобы не платить за излишки. Но самое ужасное — замерять диаметры дымовых труб на крышах. Не помню, полный квадрат или окружность, или их отверстий. Страшноватое мероприятие. Помню, где-то на дальних линиях труба примыкала к дому, надо было ее замерять с края крыши.

¹³⁸ Большой пр. В.О., д. 83.

Поступила в университет и потом перебралась в Госстрах Октябрьского района. Об этом как-то писала уже, вспоминая эскизно дорогу в любимый БАН, пересечения и связь времен.

Немного о послевоенных годах, о культурных стремлениях тех лет. Люди, и я вместе со всеми, истосковались по тому, что по-настоящему было закрыто для большинства в годы войны. Люди на фронте, в эвакуации, где для большинства жизнь была о-хо-хо какой нелегкой. Напряжение на производстве: женщинам часто приходилось заменять мужчин: почти дети, малорослые и истощенные, они становились к станкам после ПТУ¹⁴⁰, а иногда и прямо после школьной скамьи. Не говоря уже о деревне, где практически оставались одни женщины. Вспоминается остановка двух эшелонов — нашего и солдатского. Поле: техники не видно, безлошадные [даже] женщины, впряженные в плуг, тянут его из последних сил. Солдаты выскакивают из своего эшелона и, хоть на время стоянки, впрягаются в этот плуг, хоть ненадолго освобождая женщин. Может быть, их жены, дочери, невесты также «на себе» пахут, боронят, да и вообще — все на себе тянут — и хозяйство, и хозяйство семейное.

Возвращались с фронтов, из эвакуации из городов и сел, где все — кто в сражениях, кто в битвах — кто за хлеб, а кто на производствах обеспечивали и фронт, и тыл. И теперь, чуть вздохнув, они начинали ощущать «духовный» голод, хотя и самый натуральный долго после окончания войны утолить многие не имели возможности. Несмотря на все тяготы и неустроенность бытовую (очень трудно было с жильем), люди буквально набросились на науку, культуру, искусство. Циклы лекций в Эрмитаже, его Эрмитажном театре, с выходом в залы музея. Востребованность лекций в Центральной лектории¹⁴¹, заведовала которым тогда М.А. Вознесенская¹⁴², расстрелянная в 1950 г. по сфабрикованному так называемому «ленинградскому делу» вместе с братьями, бывшими ленинградцами: Н.А. Вознесенским¹⁴³, председателем Госплана, и А.А. Вознесенским¹⁴⁴, министром просвещения (ранее ректор ЛГУ).

¹³⁹ Административный район города Ленинграда к западу от 12-й линии Васильевского острова, существовавший в 1936–1960 гг.

¹⁴⁰ Профессионально-технические училища. В довоенный период и в первые послевоенные годы назывались школами фабрично-заводского обучения (ФЗО), ремесленными училищами.

¹⁴¹ Литейный пр., д. 42.

¹⁴² Вознесенская Мария Алексеевна (1901–1950) — секретарь Куйбышевского райкома ВКП(б).

¹⁴³ Вознесенский Николай Алексеевич (1903–1950) — советский политический и государственный деятель, экономист.

¹⁴⁴ Вознесенский Александр Алексеевич (1898–1950) — известный советский экономист, деятель науки и культуры. Профессор (1939).

Я прорывалась на лекции о ядерной энергии (билеты были все раскуплены). Читал ее будущий академик Лукирский¹⁴⁵. Полный зал собирали и циклы по истории философии, литературоведению. Активно слушали, конспектируя лекции. Интересные публичные лекции читались в университете. Античника С.И. Ковалева¹⁴⁶ вспоминаю особенно благодаря полемике, которую с ним яростно вел один из слушателей. Два парня, еще в военной форме, мои непосредственные соседи. Один — с горящими глазами фаната, буквально с пеной у рта, спорил с Сергеем Ивановичем по поводу мне неведомых догматов христианства (после войны, а многие в течение ее, становились верующими, вероятно, под влиянием каких-то судьбоносных событий, избавлений). Приятель то и дело дергал спорщика за рукав, но тот был неумом в выдвигании все новых и новых доводов в полемике с профессором. Сергей Иванович держался стойко, парировал как знаток утверждения оппонента, горящие глаза которого, его какая-то даже болезненная возбужденность до сих пор «со мной».

Последние копейки выкладывались за билеты в академические театры, в филармонию. Помню, билет на хоры (концерт Н.А. Обуховой¹⁴⁷) — 60 копеек. Почиталась Гоар Гаспарян¹⁴⁸. Очереди безумные, чтобы послушать ее ангельский голос. Эта жадность полуголодных еще людей «к свету» науки и искусства вызывает глубочайшее уважение к ним. Люди эти из числа подобных тем, которые, не задумываясь, ринулись добровольно на войну. Уверена — это одна когорта достойных.

О судьбе таких узнавала уже после войны от общих знакомых и друзей. Внук любимой учительницы литературы и языка из семилетки — Никита, выросший в семье потомственных интеллигентов, пушкинистов по зову сердца. По зрению был «белобилетником», и пошел добровольцем, не задумываясь, — погиб. Его бабушка, а наша школьная любимица, Елизавета Михайловна Алексеева, до самой своей кончины горько тосковала по любимому своему мальчику — всегда со слезами.

Моя приятельница детских лет, вместе ходили дошколятами в немецкую группу. На одной старой фотографии Сильва Воскова, похожая на чернявого парнишку, на голове — «матроска». Училась после

¹⁴⁵ Лукирский Петр Иванович (1894–1954) — физик, один из основателей эмиссионной электроники, академик АН СССР (1946).

¹⁴⁶ Ковалев Сергей Иванович (1886–1960) — историк античности, доктор исторических наук (1938), профессор.

¹⁴⁷ Обухова Надежда Андреевна (1886–1961) — русская советская певица (меццо-сопрано), народная артистка СССР (1937).

школы в ЛЭТИ. Летом 1942 года я встретила ее — уже не чернявый парнишка, а хорошенькая женственная девушка. Ее соседка по квартире Ирина (одно время мы жили по одной парадной — тоже доверенная моя знакомая, после войны читательница БАН, сотрудница ЛОИИ¹⁴⁹), рассказала мне о трагической судьбе Сильвы — Сильвы Восковой. Отец ее — Семен Восков¹⁵⁰, именем которого названа одна из улиц Ленинграда, мать — Сальма Ивановна Каляева¹⁵¹, врач. Уже в блокадном Ленинграде мы служили с ней в одном госпитале (она не поехала с госпиталем, не помню ее после переезда). Во время войны Сильва закончила специальные курсы (вероятно, что-то вроде диверсантских) — детская отчаянность сохранилась и в юности. Направили всех выпускников в Прибалтику (по разным данным, Эстония или Литва). Прыгали с парашютами, сразу или через какое-то время их схватили — то ли немецкие фашисты, то ли местные предатели. Все погибли. Как все было — никто уже ничего не скажет¹⁵². После освобождения Прибалтики Сальма Ивановна побывала на месте

¹⁴⁸ Гаспарян Гоар Микаэловна (1924–2007) — армянская советская певица (колоратурное сопрано), народная артистка СССР (1956).

¹⁴⁹ Ленинградское отделение института истории. Ныне Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук.

¹⁵⁰ Восков Семен (Самуил) Петрович (1889–1920) — участник Октябрьской революции, один из создателей Красной Гвардии, комиссар продовольствия Союза Северных коммун. Проживал в доме 26–28 по Каменноостровскому проспекту. Именем С. Воскова названа улица в Петроградском районе Петербурга.

¹⁵¹ Каляева Сальма Ивановна (1898–?) — уроженка Ленинграда, член ВКП(б) с 1918 г., участвовала в боях против Юденича. В мирное время окончила 1-й Ленинградский медицинский институт, работала на кафедре Г.Ф. Ланга, врачом-терапевтом в больнице им. Эрисмана, а с начала Великой Отечественной войны — в эвакогоспитале № 65.

¹⁵² Сильвия Воскова в 1937 г. после окончания средней школы поступила в Ленинградский электротехнический институт им. Ульянова-Ленина, который закончила в январе 1942 г. по специальности инженера проводной связи. Непродолжительное время работала санитаркой в эвакогоспитале № 65, а затем добровольцем вступила в ряды РККА. Прошла обучение в Военно-морской школе № 2, где получила специальность радиста-оператора, и в августе 1942 г. была принята на работу во 2-й спецотдел Управления НКВД Ленинградской области. В течение 1943 г. неоднократно обращалась к руководству с просьбой отправить ее в тыл противника. В июле 1943 г. распоряжением начальника УНКВД была направлена в спецшколу разведывательного отдела, где прошла специальную подготовку. В ночь с 25 на 26 февраля 1944 г. Воскова в составе разведывательно-диверсионной группы во главе с Морозовым в качестве радистки была самолетом заброшена в Эстонию для выполнения боевого задания. После приземления у озера Выртс-Ярв группа попала в зону действия немецкого карательного отряда. В завязавшемся неравном бою при попытке вырваться из окружения Сильвия Воскова погибла смертью храбрых. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 мая 1965 г. Воскова Сильвия Семеновна посмертно награждена орденом Отечественной войны 2-й степени и занесена в Книгу Памяти Управления. (http://artofwar.ru/t/tiranin_a_m/text_0460.shtml).

гибели дочери, нашла только какую-то памятную вещицу, ей принадлежавшую. Мужественная, стойкая Сальма Ивановна никогда не смогла забыть страшную кончину дочери.

(Вместо заключения)

Приближается день семидесятилетия окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Это памятный для всех, кому довелось пережить «сороковые роковые» — день 9-го мая 1945 г. (хотя «полное» окончание «венчает» 2 сентября 1945 г. — победа на Востоке, в борьбе с Японией).

Все меньше свидетелей тех дней остается на Земле: тех, кто сражался на фронтах, переноса все, далекие от мыслимых, буквально нечеловеческие физические, нервные, психические перегрузки, и тех, кто «в тылу» (часто под бомбежками), не доедая, частенько голодая, преодолевая лишения, страхи за ближних своих — фронтовиков, трудился днями и ночами, тоже приближая этот день Победы, о котором мечтали в течение каждого военного дня.

20 миллионов человеческих жизней, которые унесла Великая Отечественная война — число это должно намного увеличить. Люди продолжали умирать от тяжких ранений, многих острых и хронических заболеваний, вызванных или усугубленных страданиями, перенесенными на фронте и в тылу. Это гипертонии, часто «злокачественные», как в нашем городе, психические заболевания, нервные язвы желудка, туберкулез и пр., и пр.

Четыре с лишним года страхов, всяческих лишений. Воспитанное в духе коллективизма большинство оказалось стойким и на фронте, и в тылу. Для поколения 20–30-х гг. самое страшное испытание — годы Великой Отечественной войны. Годы, следующие за ней — это уже годы надежд и ожиданий — *per aspera ad astra* (через трудности и испытания — к звездам), годы, когда еще очень чувствовалась горечь личных (да и общих) потерь и утрат. Они, эти горечи и утраты, постепенно «тускнеют», а то и вовсе исчезают в душах поколений, все дальше отстоящих от «роковых-сороковых». Нынешнее поколение, особенно, молодежь, вовсе не заставшее их, годов военных, не представляет воочию, как это было и что это было. Только участники этих событий, оставшиеся в живых, в состоянии по-настоящему оценить и трагизм гибели миллионов, и конкретных, отдельно взятых «единиц».

Погибали и обычные «рядовые» труженики, и те, кто в будущем могли стать талантами, а, может быть, и гениями. И это не только

о фронтовиках. В нашем военном, блокадном городе это особенно можно предполагать и даже вспоминать о конкретных жертвах. На фронте погиб доброволец, молодой композитор, с задатками, как писали специалисты, не только таланта, но даже гениальности. Увы, забыла его фамилию, кажется, начиналась на «Г...».

В блокадном, голодном городе нашем от дистрофии погиб юноша с необыкновенными данными и успехами творческими, ученик хореографического училища, ныне Академии им. О.Ф. Вагановой, по какой-то уважительной семейной причине не эвакуировавшийся с училищем в Пермь. Об этом читала в «Неве», в горестных заметках преподавательницы училища, известной Костровицкой¹⁵³. Знаю ее как талантливого, знающего, чуткого человека. А сколько таких юношей и девушек среди статистических миллионов?

Рассказы престарелых ветеранов войны и труда часто не в состоянии впечатлить современную молодежь — все-таки слишком далеки в сознании, представлениях, стремлениях, слишком они разные во всем эти поколения, разделенные долгими десятилетиями. Это, конечно, объяснимо, но, тем не менее, вызывает у стариков-очевидцев, переживших страхи, тяготы и лишения военных дней, некое обидчивое недоумение перед тем, что можно определить как «печать времени».

Но есть и приятные исключения. Год-два тому назад одна из петерских газет опубликовала многочисленные заметки, авторами которых были старшие школьники города, в которых они пересказывали услышанное от бабушек-прабабушек, реже — дедушек-прадедушек — непосредственных участников военных действий, или бывших «детей блокады». Читать было страшно и вместе с тем радостно за сохраненную и проникновенную эстафету памяти сердца стариков — юным.

Позднее эти же газетные заметки были прочитаны очень сердечно и трогательно по одному из петербургских каналов телевидения, вероятно, артистами-чтецами. Это чтение принесло еще большее «смятение чувств» и вызвало горячую благодарность организаторам этой очень чутко созданной акции связи поколений. Кажется, ее успеху содействовал редкий талант Александра Николаевича Сокурова.

На этом кончаю — «страшно перечесть». Так нелегко душе и сердцу, да и голове все это вспоминать и повторять через многие десятилетия. Отдельные обрывки событий, «наплывы» старалась вос-

произвести по возможности точно и не очень истертыми словами. Пыталась описать то, что происходило на моих глазах «на гражданке» — с 22 июня 1941 г. до 5 октября 1941 г., и позднее, когда была мобилизована Выборгским райвоенкоматом г. Ленинграда и начала военную службу в качестве сестры медицинской (ВУС 122) в эвакогоспитале № 65 55-й армии Ленинградского фронта. Как писала выше, вскоре после прорыва блокады (18 января 1943 г.), госпиталь был откомандирован на другие фронты. Под номером СЭГ-282 (сортировочный эвакогоспиталь) он обслуживал фронты: Центральный, 1-й Белорусский, 2-й Белорусский, который после окончания войны превратился в Северную группу оккупационных войск. Из запасного полка этой группы, базировавшегося в городе Лигнице Восточной Пруссии, отбыла в эшелоне в конце декабря 1945 г. Документально была демобилизована в Ленинграде в январе 1946 г.

Увы, в настоящее время все близкие мне (да и дальние) госпитальные друзья ушли из жизни. Активно переписывалась с бывшей любимой моей начальницей 8-го хирургического отделения Людмилой Никитичной Постниковой. Она крымчанка, керчанка. Дом их там был разрушен, мать скиталась в горах, в пещерах. После войны, закончив в Ленинграде медицинский институт (мобилизована была на фронт после 4-го курса), получила распределение в Крым, в Ялту. Вышла замуж за начальника военного туберкулезного санатория в Алушке, симпатичного Степана Степановича. Было у них две дочери. Старшая, историк, умерла очень рано от рака. Умер и муж Людмилы Никитичны. Младшая дочь, «англистка», тоже имеет двух дочерей, преподает в Харькове в университете. Людмила Никитична живет у нее. Жить одной в Ялте она уже не в состоянии. Часто мне звонит по телефону.

Вот и все.

Розова Наталия Михайловна

¹⁵³ Костровицкая В. Страницы воспоминаний // Нева. 1973. № 9. С. 206–211.